

**ПОСМЕРТНЫЕ ОТКЛИКИ О ТУРГЕНЕВЕ
В ГАЗЕТЕ А. С. СУВОРИНА «НОВОЕ ВРЕМЯ»
(Сентябрь 1883)**

Публикация С. А. Ипатовой

Так случилось, что между кончиной Тургенева в Париже 22 августа (3 сентября) 1883 года и его погребением 27 сентября (9 октября) на родине, согласно завещанию писателя, рядом с В. Г. Белинским на Волковом кладбище в Петербурге, прошло более месяца. Кончина Тургенева стала для современников невосполнимой утратой, почти национальным бедствием, поэтому не нашлось практически ни одного издания, чье пристальное внимание на протяжении конца августа — всего сентября не было бы обращено к личности писателя. Это трагическое не только для России, но и для всей европейской культуры событие активно освещалось и за рубежом, однако именно на родине чествование памяти писателя обрело гигантский размах.

В отечественных периодических изданиях, независимо от их политической ориентации, это событие обсуждалось практически ежедневно на протяжении месяца, породив целую скорбную литературу самых разнообразных жанров: в виде специальных медицинских статей о ходе болезни писателя, о подробностях его предсмертных часов, кратких сообщений о смерти и обширных некрологов; в виде сводок о трудностях пути следования тела на родину, отчетов экстренных заседаний различных организаций, сообщений о многочисленных панихидах, отслуженных по всей России, а также в виде воспоминаний о нем, публикаций его произведений и писем, биографических и литературно-критических статей, освещавших личность, жизненный путь и литературную деятельность Тургенева. Вся эта разнохарактерная и разноголосая литера-

тура объединилась — и это понятно — в выражении скорби, в осмыслении величия имени Тургенева, в осознании его смерти как огромной утраты для русской культуры.

Многим современникам похороны Тургенева напомнили проводы Н. А. Некрасова и сравнительно недавнюю кончину Ф. М. Достоевского, открывшие неизвестную ранее сторону русского общественного самосознания. Однако с масштабом сочувственных акций, прокатившихся по всей стране на протяжении сентября 1883 года, могли сравниться, с известной оговоркой, разве что Пушкинские торжества. По меткому наблюдению одного из изданий, «никогда до сего русский патриотизм не имел подобного высокого и утешительного, несмотря на печальный повод, удовлетворения».¹ Не последнюю роль в создании этого общественного резонанса сыграла отечественная пресса. Как справедливо отметил обозреватель «Вестника Европы», все «несходные органы нашей печати», за редким исключением, утратили «свою разновидность и составили один согласный хор», счета были забыты и «столбцы газет в течение целого месяца, можно сказать, были усеяны именем Тургенева, с выражением самого искреннего сочувствия и глубокого уважения к его памяти». Отзывы о нем, «появлявшиеся за границей, перепечатывались немедленно в наших газетах, так что соединение всего выказанного о Тургеневе в первый же месяц после его смерти составило бы, без сомнения, целый хороший том».²

В ряду таких авторитетных периодических изданий, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Новости и Биржевая газета», «Русские ведомости», «Русь», «Гражданин», «Неделя», а также «Московские ведомости» и др., тон задавало, безусловно, «Новое время». Поэтому в изрядном перечне откликов русской печати на смерть и похороны Тургенева особое место заняли публикации именно этой газеты, большая часть из которых принадлежала перу ее издателя и редактора Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912), «короля» русской прессы, известного критика, журналиста и драматурга. О читательском масштабе газеты можно судить по отзывам современников. Так, К. К. Арсеньев вспоминал: «...все читали бойкую, живую, интересную и полную газету, так что в 6 час. вечера на Невском ни у одного газетчика нельзя было найти сегодняшнего номера, хотя газета печаталась одновременно в двух больших типографиях в небывалом в русской печати количестве экземпляров».³

¹ *РусВед.* 1883. 2 сентября. № 241. С. 1.

² См.: <Б. п.> Из общественной хроники // *ВЕ.* 1883. Т. 5. № 10. С. 840.

³ Цит. по: *Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру.* М., 1998. С. 65. В корреспонденции из Витебска, опубликованной в «Новом времени» в день

Однако первенство «Нового времени» в этом рейтинге не было случайным, над его созданием Суворину, не только тонко чувствовавшему конъюнктуру и обладавшему изрядными предпринимательскими способностями, но и исповедовавшему определенные ценности, пришлось немало потрудиться, проводя и упорно развивая на страницах своей газеты идеи, близкие значительной части читателей. Большинство из откликов «Нового времени» на смерть Тургенева, и в частности обширная некрологическая статья, подписанная известным псевдонимом Суворина «Незнакомец», остались за пределами библиографического и исследовательского внимания и не вошли в фундаментальный обзор, составленный Л. Р. Ланским, а также оказались не учтены в обстоятельной книге Е. А. Динерштейна «А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру», в которой Тургеневу посвящена отдельная глава.⁴

Суворин был лично знаком с Тургеневым, неоднократно встречался с ним, состоял в переписке. К сожалению, не все письма дошли до нас; из суворинских сохранилась и опубликована лишь небольшая часть, относящаяся к 1875–1876 годам, — лучший период в их отношениях, длившихся более двадцати лет.⁵ Отнюдь не каждому Суворин рассказывал то, что он рассказывал Тургеневу. Сообщая писателю, жившему в Париже и остро нуждавшемуся в умном и информированном собеседнике, последние русские новости, Суворин серьезно и детально обсуждал проблемы внутренней политической и культурной жизни России. Тургенев был одним из немногих, кому Суворин доверял свои семей-

похорон писателя, говорилось, что газеты, извещавшие о смерти Тургенева, «в особенности „Новое время“, поместившее более обстоятельные сведения о жизни и последних днях умершего, читались нарасхват. Во всех печальное известие вызвало неподдельную скорбь. Даже польские кружки заговорили о „пане Тургене“...» (*НВр*. 1883. 27 сентября (9 октября). № 2723. С. 3).

⁴ См.: Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева / Обзор Л. Р. Ланского // *ЛН*. Т. 76. С. 633–701; *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 207–218. Не упоминается некролог и в книге Л. С. Утевского, где выборочно приводятся сентябрьские отклики, показывающие, как смерть Тургенева была «превращена в орудие политической борьбы» (*Утевский Л. С.* Смерть Тургенева. 1883–1923. Пб., 1923. С. 59–74), а также в работе: *Мостовская Н. Н.* Как отпевали русских писателей // *Христианство и русская литература*. СПб., 1996. Сб. второй. С. 202–215, где похоронам Тургенева отведено значительное место.

⁵ См.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу (1875–1876) / Публ. С. А. Ипатовой // *И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы*. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 320–351. Подробнее об их отношениях см. преамбулу к этой публикации (С. 320–326).

ные тайны и переживания, и как умный, талантливый, неординарный человек был, безусловно, интересен писателю.

В письме от 14 (26) февраля 1875 года Тургенев благодарил Суворина за «подробное и крайне интересное письмо» (неизв.), «за все сведенья», «за передачу современной петербургской физиономии, которая никому так не известна и никому так не дается, как Вам».⁶ На страницах «Нового времени» были опубликованы одно открытое письмо от 29 апреля (11 мая) 1876 года⁷ и три произведения писателя: некрологическая статья «Несколько слов о Жорж Санд. Письмо И. С. Тургенева к издателю „Нового времени“», напечатанная в виде письма к редактору от 9 (21) июня 1876 года;⁸ рассказ «Сон»⁹ и «Рассказ отца Алексея».¹⁰ Публикация последнего, извлеченного из зарубежной прессы и напечатанного в обратном переводе, повлекла за собой взаимные публичные обвинения и прекращение всяческих отношений, и хотя переписка между ними более не возобновлялась, в отдельных высказываниях Тургенева, зачастую резких, просвечивало уважительное отношение к прежнему корреспонденту.

В своих фельетонах, рецензиях, обзорах, беллетристических произведениях, а также в частных письмах Суворин еще при жизни писателя не раз откликался на тургеневские произведения, давая им иногда противоречивые, но неизменно яркие оценки.¹¹ Творчество Некрасова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова оставалось для Суворина на протяжении всей жизни объектом пристального, зачастую пристрастного, но неизменно трепетного отношения современника, осознающего

⁶ ПССиП(2) Письма. Т. 14. С. 31–32.

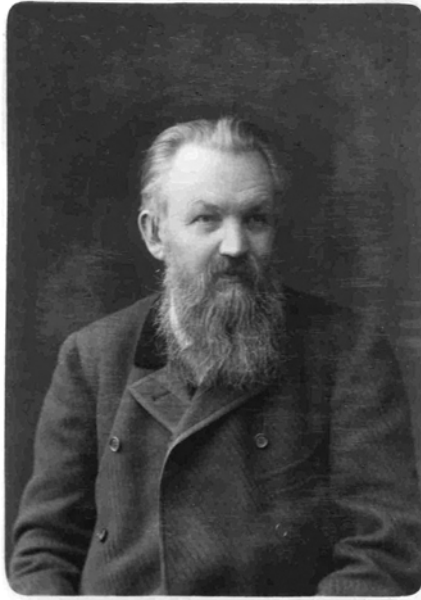
⁷ См.: ПССиП(1). Соч. Т. 15. С. 167.

⁸ См.: НВр. 1876. 15 (27) июня. № 105. С. 1; ПССиП(1) Письма. Т. 11. С. 274–275.

⁹ См.: НВр. 1877. 1 (13) января, 2 (14) января. № 303, 304.

¹⁰ У Суворина рассказ был опубликован под названием «Сын попа» (см.: НВр. 1877. 6 (18) апреля, 7 (19) апреля. № 395, 396).

¹¹ Позже в своем дневнике Суворин сделает следующую запись: «О Тургеневе я говорил № 1075, 1879. Среди общества юного, настроенного или меланхолией, или литературой, он явился учителем. Он создавал образы мужчин и женщин, которые становились образцами. Он давал моду. Его романы — это модный журнал, в котором он был и сотрудником, и редактором, и издателем. Он придумывал покрой, он придумывал душу, и по этим образцам многие россияне одевались. Многие получали только единственно модный журнал и согласно Тургеневу были счастливы, потому что находили, что выкройка весьма удобна и платье шьется легко» (Суворин А. С. Дневник / Текстологическая расшифровка Н. А. Роскиной. Подгот. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. London; М., 1999. С. 216–217).

А. С. Суворин. Фотография Шапиро.
Петербург, 1890 г. (ИРЛИ)

огромное значение этих имен для русской культуры. Искренняя реакция Суворина на смерть писателя, высказанная в целой серии публикаций, показала, что, несмотря на прерванные отношения, он хорошо соизнавал масштаб личности Тургенева и глубоко и всесторонне оценивал его роль в русской и мировой культуре.

Обширный список сентябрьских откликов «Нового времени» на смерть Тургенева открывает краткая заметка без подписи, напечатанная в разделе «Среди газет и журналов» 23 августа (4 сентября), то есть на следующий день после смерти Тургенева и за день до официального сообщения об этом. Еще не зная о кончине писателя, Суворин «открыл» этой заметкой серию многочисленных публикаций, посвященных Тургеневу, ядром которых станет обширная некрологическая статья.¹² В заметке речь шла о публикации издателя А. Ф. Маркса, посетившего 26 мая (7 июня) 1883 года тяжело больного Тургенева в Буживале, с тем чтобы узнать о «намерениях» писателя в отношении рассказа, обещанного им

¹² См.: *НВр.* 1883. 28 августа (9 сентября). № 2693. С. 1–2. Подп.: «Незнакомец».

в августе 1882 года для журнала «Нива», но так и не представленного в срок. Суворин поставил на вид известному издателю бестактность его поступка: «Предавая тиснению этот рассказ свой, г. Маркс, по-видимому, совсем не замечает, как неуместна была его издательская назойливость по отношению к больному писателю».¹³

Следует отметить, что ни смерть Некрасова, на которую Суворин откликнулся прочувствованным некрологом, ни смерть Достоевского, осмысленная им в щемящей некрологической статье, не стали для издателя поводом для публикации на страницах «Нового времени» серии статей, как это произошло с откликами на смерть Тургенева. В течение траурного для России сентября 1883 года от публикации к публикации Суворин настойчиво проводил мысль, что кончина Тургенева это не только крупная литературная утрата, но и великое общественное горе, невосполнимая национальная потеря. Подчеркивая художественное значение его произведений, он вместе с тем отводил ему роль не только писателя-художника, но и воспитателя русского общества.

Сразу после известия о смерти писателя «Новое время» поместило на первой странице редакционную некрологическую статью «Иван Сергеевич Тургенев», за характерным стилем которой легко угадывался ее автор — Суворин. Более пространный некролог выйдет чуть позже, но уже в этой статье автор начинает знакомить своих читателей с биографией и творчеством Тургенева. Любопытно проследить технологию обработки обыденного сознания, которую, безусловно, использует Суворин. В небольшую по объему статью он неуклонно вводит определенные маркеры, а именно: около двух десятков таких слов, как «родина», «народ», «русский», настойчиво внушая своему читателю мысль, что смерть Тургенева — это утрата части его самого: «Тургенев принадлежит к тем немногим *русским* людям, которым желал бы дать вечную жизнь и на земле».

«Никто из *русских* художников, — пишет Суворин, — не обладал качеством отзывчивости на движущие и руководящие идеи в такой степени, как Тургенев», поэтому велико значение писателя «не только для *русского*, но и общечеловеческого искусства»; он один из тех, которые «умрут совсем только со смертью *русского* народа». Внутренне полемизируя с теми, кто говорил об оторванности Тургенева от России, от русского народа, кто подчеркивал его «абсентеизм», а подчас обви-

¹³ См.: *НВр.* 1883. 23 августа (4 сентября). № 2688. С. 2. См. также: <Маркс А. Ф.> Об И. С. Тургеневе (От издателя) // *Нива.* 1883. № 34. С. 820–821; *Летопись (1876–1883).* С. 525.

№ 2718 Издание ПЕРВОЕ

ВЪ ЭТОМЪ № 6 СТРАНИЦЪ

Съ 16-го сентября редакция «Новаго Времени» помѣщается по Малой Итальянской улицѣ, д. 18, кв. 18.

**ОТЪ РАСПОРЯДИТЕЛЕЙ
ПОХОРОНАМИ ТУРГЕНЕВА.**

Распорядительная комиссия при погребеніи тѣла И. С. Тургенева доводитъ до свѣдѣнія о слѣдующихъ:

- 1) Въ зданіи вокзала парижской желѣзной дороги шито не допускаться проѣздъ духовенства и распорядителей.
- 2) Въ день погребенія шито не будетъ допущенъ заблаговременно на Волково кладбище.
- 3) Лица, участвующія въ депутатскихъ при итангахъ, направляются въ обочину мѣсту по Общественному проспекту, черезъ Ново-Московский мостъ, на набережную Обводного канала, гдѣ останавливаются по указанію распорядителей, свѣдѣвшихъ особыми траурными знаками.
- 4) Лица прибывающія въ экипажахъ, направляются по Ивашковскому проспекту черезъ Варшавскій мостъ въ зданію вокзала парижской ж. д.
- 5) Когда гробъ установленъ на печальную колесницу, шито направляются: черезъ Варшавскій мостъ, по Ивашковскому проспекту, 4-й ротѣ Ивашковского полка, Кинскому проспекту, Рузовской улицѣ, Загородному проспекту, Звенигородской улицѣ, Бороной улицѣ, черезъ Новинскій мостъ по набережной Лягунова и Гаспановой улицѣ.
- 6) Въ гаспановъ уаи объявлено было отъ распорядителей, что къ мосту кладбища и дежурительное пространство вокругъ мостовъ не дозволено въскать депутатамъ въ полномъ составѣ войти на кладбище, а потому, при поворотѣ шестымъ съ набережной Лягунова въ Гаспанову улицу, допускаться въ означенную улицу только по шесту лишь съ выхола отъ каждой роты и лицъ, выходящихъ впередъ въ первомъ. Прочимъ участвующимъ въ де утангахъ направляются черезъ мостъ противъ Гаспановой улицы и, по вѣблѣаніи вѣдѣркіи шестымъ, располагаются на противоположной сторонѣ Лягунова.
- 7) Неисчислительные утангы перекла, гдѣ будетъ проходить возмозможная обѣдья, выдѣляющія распорядителей знамя, что депутаты съ экипажемъ (по мосту шито) не могутъ появляться въ перекла, но должны будутъ, согласно указаніямъ распорядителей, раздѣстаться на кладбищѣ въ томъ порядкѣ, какъ шитъ во время процесса.
- 8) Распорядительная комиссия поворѣбше просить всѣхъ участвующихъ въ шестымъ въ входить на въ какия припрѣдѣлелья съ распорядителями и согласоваться съ ихъ указаніями.

Депутации, желающія участвовать въ похоронахъ, должны занять о своемъ желаніи по рокамъ четверга, 22-го сентября.

Смѣсь въ очередь депутаций будутъ своевременно опубликованы въ гаспановъ.

О дѣи и часѣ сбора для депутатцій будетъ своевременно объявлено въ гаспановъ.

Сообщение о порядке прохождения похорон Тургенева.
«Новое время». 22 сентября 1883 г. № 2718

ня в антипатриотизме, Суворин утверждал, что ни один «русский писатель не играл такой роли в жизни *русского* общества, как Тургенев», ставший «владыкою внутреннего мира *русского* общества». И в заключение статьи добавляет: всего, что было в писателе «*русского* помимо воли», было «так много, как только может быть в гениальном таланте», поэтому «не за один свой великий талант он достоин любви всякого *русского* человека, но и за свою чистую, благородную душу. И эту любовь воздаст ему его *родина*...».¹⁴

Формируя и воспитывая свою многочисленную читательскую аудиторию, состоявшую в основном из мелкого чиновничества и помещного дворянства, Суворин не боится исповедовать на страницах газеты свой «символ веры», основанный на патриотизме, гордости за свое

¹⁴ НВр. 1883. 24 августа (5 сентября). № 2689. С. 1. Курсив наш. — С. И.

«племя», богатое на таланты, уверенности в его общечеловеческом призвании. Не случайно число подписчиков газеты резко увеличилось в период русско-турецкой войны и освободительной борьбы славянских народов. Некрологи выдающихся русских общественных и литературных деятелей (из недавних: Некрасов, Достоевский, Скобелев), принадлежавшие, как правило, перу самого редактора, становятся на страницах газеты своеобразным жанром воспитания.

Приведем для сравнения фрагмент из некролога Некрасова: «Русский человек до мозга костей, доказавший страстными строфами о родине, как он ее любит, как он ей предан, Некрасов был типическим представителем великорусского племени и типическим, оригинальным русским поэтом. Своя русская жизненная философия жила в нем...».¹⁵ «Умер не только писатель, умер учитель, умер благородный человек, достойный самых искренних слез», — пишет Суворин в кратком некрологе Достоевского.¹⁶ И через два дня в обширной некрологической статье добавляет: «Он любил русского человека до страсти <...>. Народная гордость жила в нем, жило в нем то сознание силы русского народа, которое разным пошлякам кажется квасным патриотизмом»; похороны Достоевского — это «невиданное еще торжество русского таланта и русской мысли, всенародно и свободно признанных за русским писателем».¹⁷ Вспоминая позже о первой некрологической статье, Суворин, не без некоторого самолюбования, запишет в своем дневнике 28 сентября 1899 года: «Я помню, какое впечатление произвела моя статья, без подписи, о смерти Достоевского. Я назвал его „учителем“. Статья вылилась порывом. Лорис-Меликов, прочитав ее <...> тотчас поехал к государю и выхлопотал пенсию вдове; Григорович приехал ко мне, говоря, что он плакал. Многие плакали. Я разжалобился. Вдова Достоевского понимала очень хорошо значение этой агитации. Она поцеловала мне руку. Удивительный тогда был этот подъем в Петербурге. <...> Публика бросилась читать и покупать Достоевского. Точно смерть его открыла, а до того его не было».¹⁸

¹⁵ См.: *Незнакомец* <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки <Некролог Н. А. Некрасова> // *НВр*. 1878. 1 (13) января. № 662. С. 3; републ.: На память о Н. А. Некрасове. СПб., 1878. С. 34–54. Цит. по: На память о Н. А. Некрасове. С. 40.

¹⁶ См.: <Суворин А. С.> Кончина Ф. М. Достоевского // *НВр*. 1881. 29 января (10 февраля). № 1768. С. 1; см. также: <Суворин А. С.?)> Ф. М. Достоевский (некролог) // Там же. 30 января (11 февраля). № 1769. С. 4.

¹⁷ *Незнакомец* <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки. О покойном // Там же. 1 (13) февраля. № 1771. С. 3.

¹⁸ *Суворин А. С.* Дневник. С. 351.

Тональность последующих публикаций о Тургеневе была задана первой некрологической статьей. В статье «Маленький фельетон. По поводу кончины Тургенева» Суворин вписывает имя Тургенева в перечень великих для России имен: Ломоносов, Сумароков, Державин, Жуковский, Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Лермонтов.¹⁹

Статьи Суворина не остались незамеченными, более того, вызвали резкое неприятие, в первую очередь со стороны «Московских ведомостей». Кончина Тургенева неожиданно была превращена едва ли не в орудие политической борьбы, в которой имя Тургенева было использовано в партийных целях.²⁰

Как и следовало ожидать, скандал был спровоцирован Катковым. Поскольку «Московские ведомости» никак не откликнулись на смерть писателя, за исключением мелких информативных сообщений²¹ (и это «молчание» было замечено другими изданиями), первая статья о Тургеневе, появившаяся в газете 6 сентября в составе постоянного фельетона «Петербургские письма», представилась многим как своего рода некролог от редактора, однако жанру надгробного слова эта статья не вполне отвечала. «Область лжи и обмана снова значительно раздвинулась. Умер Тургенев и всевозможные прихвостни либерализма накинулись на его еще не закрытую могилу, громко требуя поминального угощения. <...> везде кишат литературные и иные салопницы, убежденные и старающиеся убедить, что смерть Тургенева чрезвычайно близко их касается <...> все, что у нас прияло известную печать лжелиберализма, сорвалось с места, носится и мечется, стараясь изо всех сил показать свою непосредственную близость к автору „Отцов и детей“ и потребовать своей доли в воздаваемых его памяти чествованиях. <...> Эти общественные ругатели по пятому со строчки, поносившие в тече-

¹⁹ *НВр.* 1883. 25 августа (6 сентября). № 2690. С. 2–3.

²⁰ Проницательно фиксируя малейшие изменения в общественных настроениях, Суворин еще накануне разразившегося скандала отметил в своей газете: «Ввиду некоторых опасений, что чествованию Тургенева может быть придан не тот характер, какой оно имеет на самом деле», «Неделя» публикует статью, в которой отмечает, что Россия любит и чтит Тургенева «не за политические его убеждения», а за его «высоко художественные творения» (*НВр.* 1883. 5 (17) сентября. № 2701. С. 2).

²¹ С того момента, как стало известно о кончине Тургенева, и до 6 сентября в «Московских ведомостях» в двух номерах были опубликованы лишь четыре небольшие заметки: об отпевании Тургенева в Париже и об организационных решениях петербургской Думы в связи с предстоящими похоронами (26 августа. № 236. С. 2), а также о завещании Тургенева в пользу П. Виардо и о предстоящем следовании поездом тела писателя из Франции в Россию (28 августа. № 238. С. 2).

ние двадцати лет имя Тургенева, эти учителя русской словесности, толковавшие кадетам и девицам, что Тургенев написал пасквиль на молодое поколение, эти нахлестанные либеральной лозой приказчики книжных магазинов, уверявшие под рукой доверчивых покупателей, что „Тургенева нынче только отставные генералы спрашивают“, все они будут колотить себя в грудь и просить, чтоб им позволили возложить венок на гроб писателя. И некому будет выгнать мытарей и фарисеев...». ²²

Ссора Каткова с Тургеневым, длившаяся почти двадцать лет, по мере развития принимала все более острый и публичный характер. Катков наносил удары не всегда сам, чаще чужими руками и редакционными статьями. Современникам запомнилась напечатанная в газете «Московские ведомости» в декабре 1879 года статья «Иногородного обывателя» (Б. М. Маркевича), обвинившего писателя в «заискивании» перед радикальной молодежью, в симпатиях к русским революционерам за границей, в признании «правым» «гнусного дела» русских нигилистов. ²³

Не ослаб антагонизм между Катковым и Тургеневым и на знаменитом Пушкинском празднике 1880 года, когда Катков сделал публичную попытку примирения, протянув Тургеневу бокал, а Тургенев дважды отказался «чокнуться». На замечание А. Н. Майкова, что нужно простить и забыть, писатель ответил: «Я старый воробей, меня на шампанском не обманешь!». ²⁴

Посмертный удар Каткова был нанесен в «Московских ведомостях», где без каких бы то ни было комментариев было перепечатано письмо известного революционера-эмигранта П. Л. Лаврова, опубликованное накануне, а именно на шестой день после смерти писателя, во французской республиканской газете «La Justice», издававшейся лидером радикалов Ж. Клемансо. Из письма стало известно, что Тургенев оказывал регулярную материальную поддержку нелегальному эмигрантскому изданию «Вперед!». В заметке говорилось: «Газета „Justice“ получила от известного Петра Лаврова письмо, в коем значится:

²² W. <Катков М. Н.?) Петербургские письма. LXIV // МВед. 1883. 6 сентября. № 247. С. 3. Точно установить, кто скрылся под псевдонимом «W.», не удалось; судя по стилю, статья, скорее всего, принадлежит перу Каткова, либо основательно отредактирована им.

²³ Иногородный обыватель <Маркевич Б. М.> С берегов Невы. XIII // МВед. 1879. 9 декабря. № 313. С. 4–5.

²⁴ Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. Л., 1965. С. 156; см. также: Достоевский. Т. 30. Кн. 1. С. 199.

„По смерти г. Тургенева я не только не нахожу нужным скрывать, но даже долгом считаю придать гласности факт, о коем до сего времени знали лишь я и еще немногие лица. Когда в 1874 году я перенес редакцию социалистского и революционного русского органа «Вперед!» из Цюриха в Лондон, Тургенев по собственной инициативе предложил мне содействовать изданию этого органа; затем в течение следующих трех лет, то есть за все время моего редакторства, он ежегодно вносил в кассу издания по 500 франков“». ²⁵

Как и следовало ожидать, разразился скандал. Тургенев, действительно, читал народническое издание Лаврова, выходившее в Цюрихе и Лондоне в 1873–1877 годах. Интересовался им. Более того, судя по письмам, не только давал деньги, но и хорошо знал содержание этого издания, обсуждал его с Лавровым и даже использовал некоторые материалы в работе над романом «Новь». ²⁶ Позже Г. Н. Вырубов вспоминал, как летом 1873 года собрался в Цюрих, чтобы посмотреть на «русский фаланстер», находившийся там «под духовным присмотром Лаврова», и сообщил об этом Тургеневу, «который тому очень обрадовался и захотел ехать вместе со мной. Он обдумывал тогда свою „Новь“ и надеялся, как он выражался, набрать красок в этом сборище разношерстной революционной молодежи. Но желание свое он не исполнил: он боялся, что молодое поколение, тогда не особенно его долголюбивавшее, сделает ему какою-нибудь неприятность»». ²⁷

²⁵ См.: *МВед.* 1883. 10 сентября. № 251. С. 2. Подлинник письма опубликован: *La Justice.* 1883. 9 Septembre. N 1333. P. 3. Следует отметить, что незадолго до этой публикации в «Justice» был помещен некролог Тургенева без подписи (1883. 6 Septembre. N 1330. P. 3), который не значится в уже упоминавшемся обзоре Л. Р. Ланского. В тексте письма Лаврова содержится опущенное при перепечатке Катковым обращение к редактору газеты, в котором Лавров выражает надежду, что известные политические убеждения Клемансо послужат ему ручательством незамедлительной публикации его письма. На расхождение оригинала и текста в «Московских ведомостях» обратил внимание Стасюлевич: «Из слов обращения можно было заключить, что г. Лавров имел основание рассчитывать на благосклонный, т. е. на доверчивый прием его письма только со стороны этой газеты; другие большие французские газеты, значит, могли бы потребовать от него доказательств справедливости того, что он утверждает в письме. Такое обращение г. Лаврова к г. Клемансо осталось, конечно, не замеченным со стороны Каткова, а потому не было им переведено» (Новости и Биржевая газета. 1883. 14 (26) сентября. № 244. С. 1).

²⁶ Подробнее об этом см.: *Буданова Н. Ф.* Тургенев и Лавров в 70-е годы («Непериодическое обозрение» «Вперед!» как источник «Нови») // Тургенев и его современники / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1977. С. 88–109.

²⁷ *Вырубов Г. Н.* Революционные воспоминания. Герцен, Бакунин, Лавров // *ВВ.* 1913. № 2. С. 62.

Первыми на публикацию «Московских ведомостей» отреагировали «Новости и Биржевая газета»: приведя текст письма, редакция опротестовала его как «лживое заявление Лаврова о прикосновенности» Тургенева к делу революционной пропаганды и предложила рассматривать этот факт как случайную помощь русским эмигрантам.²⁸ На следующий день к ним присоединилось «Новое время»: «Умер Тургенев — г. Лавров сейчас и объяснил, нимало не сомневаясь в том, что он получал не милостыню от знаменитого писателя, не пенсию на бедность, а сочувствие его революционной деятельности в форме франков».²⁹ В последующих публикациях Суворин прилагает все усилия, чтобы доказать, что такая ничтожная сумма не могла быть ничем иным, как милостыней оголодавшему эмигранту. Большинство изданий также расценили поступок Лаврова как ложь и инсинуацию перед еще не закрытой могилой Тургенева. «Московские ведомости» остались в одиночестве.³⁰

На единомышленников разных по направлению изданий в значительной степени повлияла также отнюдь не оправдательная статья того же анонимного автора, скрывшегося за псевдонимом «W.» (Каткова?), появив-

²⁸ См.: *Новости и Биржевая газета*. 1883. 12 (24) сентября. № 242. С. 1. А. Ф. Кони назвал этот поступок Каткова «своеобразными поминками» по писателю. Редактор «Московских ведомостей», по его мнению, не мог не знать, что «его „разоблачения“ бросят тень на дорогого писателя и заставят строго взглянуть на учиняемые чествования его памяти» (см.: *Кони А. Ф. Похороны Тургенева. Воспоминания // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 68*). Подробнее о том, что такая опасность была и департамент полиции усиленно готовился к встрече Тургенева на русской земле, см.: *Никольский Ю.* Дело о похоронах И. С. Тургенева // *Былое*. 1917. № 4 (26). Октябрь. С. 146–156.

²⁹ См.: *Незнакомец <Суворин А. С.> Письма к другу. XXXVIII // НВр*. 1883. 13 (25) сентября. № 2709. С. 1.

³⁰ См., к примеру, публикацию «Дела»: «Понятен был „эффект“, приготовленный московской газетой», понятна «эта злоба, не остывающая и над могилой писателя, литературная деятельность которого не омрачалась никаким, даже малейшим пятном»; такие «нравственно безупречные люди, как Тургенев, не могут не колоть чужих глаз», являясь укором «каждой нечистой литературной совести». И в «торжественных похоронах» примет «участие не одна „литературная чернь“, но и Академия наук (*Откровенный писатель <Станюкович К. М.> Картинки общественной жизни // Дело*. 1883. № 9. Отд. II. С. 142). «Какая же могла быть цель подобного маневра? — писала «Неделя» в статье «Прискорбный переполох», — очевидно, только та, чтобы дискредитировать Тургенева в глазах его почитателей и повлиять на решение вопроса о перевозке его тела в Петербург. <...> Вся наша печать единогласно восстала на защиту Тургенева», словно почитатели великого русского романиста «поверили в возможность серьезных последствий от указания» «Московских ведомостей» (Неделя. 1883. 18 сентября. № 38. Стлб. 1242–1243).

шаяся на третий день после перепечатки из «Justice» и подлившая, что называется, масла в огонь. «В настоящую минуту, — говорилось в ней, — известная часть нашей интеллигенции занята исключительно эксплуатацией памяти Тургенева», в газетах «целые столбцы заняты» выписками, письмами, известиями о сборах средств «на венки» и телеграммами «о панихидах», и если «теперь наши интеллигенты вспомнили о храме Божием, чтобы заказывать панихиды, почему никто не вспомнил во время болезни Тургенева помолиться о его выздоровлении?». Журналистика «вдруг принимает Тургенева под свою защиту... против кого-то и чего-то. Досталось даже издателю „Нивы“ г. Марксу за его визит к больному писателю; однако «жаль, что газеты» не хотят сказать, «зачем ездил к Тургеневу г. Стасюлевич». И далее автор статьи (Катков?) находит этому объяснение: «Фальшивое положение, в которое ставило Тургенева постоянное пребывание его за границей, еще более спутало соображение репортеров и хроникеров. Русский писатель, покинувший свое отечество, и притом писатель, к литературным лаврам которого услужливые руки приплели несколько терний либерального мученичества, конечно представляется им изгнанником, вынужденным искать на чужбине свободы и безопасности. Очень обыкновенный шаблон, по которому построено уже много литературных биографий».³¹

Даже В. П. Мещерский, получивший из Парижа копию с письма Лаврова в газету «Justice» до его появления у Каткова, не решился, по собственному признанию, его опубликовать, поскольку полагал, «что это сущая ложь и клевета на мертвого Тургенева».³² «Московские ведомости»,

³¹ W. <Катков М. Н.?) Петербургские письма. LXV // *МВед.* 1883. 13 сентября. № 254. С. 2–3.

³² См.: Гражданин. 1883. № 38. 18 сентября. С. 22. 28 августа Мещерский откликнулся в «Гражданине» проникновенным некрологом, в котором так высказался о Тургеневе: «Это был тонкий, чудесный художник, очень большой литературный талант, чуткий, отзывчивый, восприимчивый. Это был прекрасно образованный, глубоко начитанный, мягкой души человек, одна из богатейших натур, какими может гордиться любая национальность». В завершение некролога он выразил опасение: «Уже в Париже на его гроб кладут венки „От эмигрантов русских“... Было бы очень жаль, если бы похороны его не были похоронами просто знаменитого писателя, а обратились бы в жалкую политическую, с тенденциозными речами демонстрацию <...>» (Гражданин. 1883. № 35. 28 августа. С. 3–4). В «Дневнике», помещенном в том же номере, Мещерский вновь возвращается к этой теме и отмечает: «...современная либеральная литература сумела и в оценку Тургенева внести фальшь, которой, по-видимому, теперь суждено играть главную роль над свежеею могилую великого писателя: фальшь эта заключается в приписывании Тургеневу каких-то политических тенденций» (Там же. С. 23).

по мнению Мещерского, перепечатав письмо Лаврова, «произвели сильную суматоху в петербургских интеллигентных кружках». Недоумевая по этому поводу, он пишет: «Что Тургенев был падок на всякие неразборчивые излияния сочувствия людям либерального и красного лагеря потому, что не любил в России самодержавную монархию, — это ни для кого не секрет; а что он не участвовал в издании „Вперед“, это тоже известно; и что если бы он давал 500 фр. субсидии этому изданию, такой субъект, как Лавров, приберет бы себе или достал более несомненные тому доказательства, чем его *гадкое* слово, это тоже не подлежит сомнению». «Длинное письмо Незнакомца» в «Новом времени» по поводу «Лавровского эпизода» Мещерский ревниво расценил как «суматоху», в которой ничего в сущности не было сказано.³³

Развернутую отповедь Каткову и Лаврову дал Стасюлевич, который рассказал, как в частной беседе с А. А. Мещерским Лавров утверждал, объясняя мотивы обнародования своего письма, что напечатание его было «искусным „маневром“, рассчитанным на действие этого письма в России; что он не может пропустить такого случая, как смерть Тургенева; по его соображениям, вследствие его письма должны последовать распоряжения, которые глубоко огорчат все образованное общество и в России, и в Европе, а именно — это-то и желательно, с его точки зрения; наконец, в своем положении он не считает возможным стесняться в выборе средств, и т. д.».³⁴

Скандал, разразившийся в русской прессе, побудил Лаврова к многочисленным объяснениям по этому поводу, которые сводились к тому, что инициатива субсидировать эмигрантское издание исходила от самого писателя. В статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества» напечатанной в «Вестнике Народной воли» уже после смерти Тургенева, Лавров рассказал о свидании с ним в Париже 8 (20) февраля 1874 года, на котором писатель «жадно расспрашивал <...> о цюрихской молодежи, о ее содействии предпринимаемому мною делу» издания журнала. «...Иван Сергеевич, — продолжал Лавров, цитируя строки из некролога Тургенева, опубликованного в № 1 «Вестника Народной воли» (автор Л. Тихомиров), — „не был никогда ни социалистом, ни революционером“. Он никогда не верил, чтобы революционеры могли поднять народ

³³ Гражданин. 1883. № 38. 18 сентября. С. 23.

³⁴ Стасюлевич М. По поводу письма г. Лаврова в «Моск. ведом.» // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912 / Под ред. М. К. Лемке. Т. 3. С. 242. Далее — Стасюлевич. Впервые статья была опубликована: Новости и Биржевая газета. 1883. 14 (26) сентября. № 244. С. 1.

против правительства <...> но история его научила, что никакие „реформы свыше“ не даются без *давления*, и энергического давления, снизу на власть; он искал силы, которая была бы способна произвести это давление, и в разные периоды его жизни ему представлялось, что эта сила может появиться в разных элементах русского общества. Как только он мог заподозрить, что новый элемент может сделаться подобной силой, он сочувственно относился к этому элементу и готов был даже содействовать ему <...>. Поэтому, когда я ему нарисовал картину одушевления и готовности к самоотвержению в группах молодежи, примкнувших в Цюрихе к „Вперед!“, он, без всякого вызова с моей стороны, высказал свою готовность помогать этому изданию, первый том которого был уже около полугода в его руках и программа которого, следовательно, была ему хорошо известна. <...> Следующие два года взнос происходил через посредников <...>. Мне неизвестно, продолжал ли Иван Сергеевич свое содействие „Вперед!“, когда с концом 1876 года я оставил редакцию этого издания. Так как это было дело не личное, а взнос в кассу издания, то дальнейшие распоряжения до меня не касались».³⁵

Встреча Тургенева с Лавровым, на которой шел разговор о русской революционной молодежи, в частности о русской студенческой колонии в Цюрихе, действительно состоялась 8 (20) февраля 1874 года. На следующий день Тургенев писал Лаврову: «Любезнейший Петр Лаврович, я вчера сгоряча обещал немножко более, чем позволяют мои средства: 1000 франков я дать не могу — но с удовольствием буду давать ежегодно 500 фр. до тех пор, пока продержится Ваше предприятие, которому желаю всяческого успеха. 500 фр. за 1874-й год при сем прилагаю».³⁶ В письме от 2 (14) октября 1879 года, то есть в период, когда, по словам Лаврова, уйдя из издания, денег он уже не брал, Тургенев, отправляя очередное «вспоможение» в кассу издания, упоминает о дополнительной сумме: «Любезнейший Лавров, посылаю Вам, по уговору, деньги, из которых 200 фр. прошу передать кассе — а остальные употребить по собственному усмотрению; уезжая отсюда, я надеюсь предоставить еще 500 фр. кассе».³⁷ Свою мысль о помощи Тургенева революционерам Лавров завершил словами: «Бессознательный подготовитель и участник в развитии русского революционного движения,

³⁵ Лавров П. И. С. Тургенев и развитие русского общества // Вестник Народной воли. Женева, 1884. № 2. С. 109–112. Ср.: *Т в восп совр.* Т. 1. С. 353–354.

³⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 20–21.

³⁷ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 140.

он, тем не менее, готовил его и участвовал в нем».³⁸ Таким образом, несмотря на упреки, высказанные по его адресу, Лавров остался при своем убеждении, что его заявление было уместным и лишь восстанавливало истину, хотя и оговорился, что по существу Тургенев революционером не был.

Прозвучали возражения Лаврову и в зарубежной прессе. Так, известный критик М. де Вогюэ в очерке, посвященном Тургеневу, описал этот эпизод как «совершенно неправдоподобный»: «Уверяют, что некоторые политические воспоминания, возбужденные чуть ли не на самой могиле писателя, произвели большой переполох в России и что национальная скорбь рискует быть оскверненной горькими упреками. Как и следовало ожидать, крайняя партия старается перетянуть на свою сторону эту великую тень. <...> У Ивана Сергеевича рука была щедрая и открытая, как и сердце его; он без разбору жертвовал всем неимущим: достаточно было носить имя русского, чтобы быть принятым в его доме, чтобы найти его кошелек открытым и слышать из его уст ласковое слово, но если он и помогал людям, он, без сомнения, не сочувствовал их политике».³⁹

Откликнулись на полемику вокруг письма Лаврова и русские эмигранты, при этом ими было осознано, что не последнее место в этой полемике принадлежало Суворину. Некто Н. М., русский эмигрант из круга парижских знакомых Тургенева последнего периода его жизни, писал: «Тургенев был либерал в самом широком и лучшем смысле этого слова, и ни одному сколько-нибудь здравомыслящему человеку не взбредет в голову заподозрить его в какой бы то ни было прикосновенности к социально-революционным доктринам. Вот почему <...> буря, поднятая в этом смысле в русских газетах по поводу письма г. Лаврова <...> не лишена некоторого комизма. Обиднее всего то обстоятельство, что наибольшая часть этого комизма выпадает на долю газет, защищающих доброе имя Ивана Сергеевича. <...> Нужно быть в ужасной степени напуганным и обладать изумительной способностью терять присутствие духа и здравого смысла, чтобы поднимать такой панический гвалт при чем бы то ни было голословном (основательно ли оно или лживо — это все равно) заявлении о политических симпатиях человека, притом человека уже умершего, да притом еще, наконец, составляющего славу и гордость России. <...> разве это может изменить в ту или другую сто-

³⁸ Лавров П. И. С. Тургенев и развитие русского общества. С. 148. Ср.: *Т в восп совр.* Т. 1. С. 384.

³⁹ Иностранная критика о Тургеневе / Пер. Е. И. Ш. 2-е изд. СПб., <1909>. С. 67–68.

рону значение Тургенева для России, покрыть его позором или как-нибудь запятнать его имя? <...> Поэтому мне кажется, что защитники Тургенева (если только тень великого писателя не вознегодует против дерзкой попытки, например, г. Суворина записаться в его друзья и защитники), — что друзья Тургенева слишком поусердствовали <...>». ⁴⁰

Позже Лавров еще раз вернется к этой теме и дополнит свое свидетельство любопытной деталью. Описывая русское заграничное революционное движение 1870-х годов, он подробно останавливается на деятельности женщин-революционерок: Софии Бардиной, Бети (Берты) Каминской и других пламенных прозелиток социализма, наборщиц журнала «Вперед!», известных впоследствии фигуранток «процесса 50-ти». «По моим личным воспоминаниям, — пишет Лавров, — именно рассказ об этих молодых энтузиастках, посвящавших свое время, свои силы и отчасти свои средства на дело, которому они начали служить, вызвал у Ивана Сергеевича Тургенева внезапное и вполне самостоятельное решение помогать изданию „Вперед!“ взносом 500 франк<ов> в год, что исполнялось им до 1876 г. включительно. Ни с какою „просьбой о содействии“ никто никогда к нему не обращался. Документы по этому делу <речь идет о письмах Тургенева к Лаврову. — С. И.>, сообщение о котором в парижской „Justice“ в самый день отпевания Ивана Сергеевича на rue Daru, вызвало против меня громы русской прессы, были показаны нескольким, всеми уважаемым, моим соотечественникам, которые, может быть, в свое время найдут возможным засвидетельствовать это».⁴¹ Зная трепетное отношение Тургенева к русским женщинам, а тем более к нуждающимся эмигранткам (обе впоследствии покончили с собой),⁴² не трудно представить, кому именно адресовалось это «вспомоществование».

⁴⁰ Н. М. Черты из парижской жизни И. С. Тургенева // *РМ*. 1883. № 11. С. 325–326. Ср.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 162–163. По предположению Л. Р. Ланского, автором воспоминаний является эмигрант Н. С. Мазурин, инициалы и фамилия которого выгравированы на венке Тургеневу от его парижских знакомых (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 649). Однако И. С. Зильберштейн полагает, что воспоминания принадлежат писателю и публицисту Митрофану Нилычу Ремезову (1835–1908), сотруднику журнала «Русская мысль», в котором они были опубликованы (см.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 470). Отметим, что ни один из этих эмигрантов не указан в словаре: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь / Сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауковой. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3: М–Р. М., 1931.

⁴¹ *Лавров П. Л. (П. Миртов)*. Народники-пропагандисты 1873–78 годов. СПб., 1907. С. 69 (Гл. 2: Русское заграничное революционное движение 1873–77 годов).

⁴² См.: Деятели революционного движения в России. Т. 2. Вып. 1. Стлб. 81–83; Т. 2. Вып. 2. Стлб. 537–538. «В одном его <Лаврова. — С. И.> можно было справед-

Следует отметить, что именно публикации Суворина вызвали особую неприязнь радикально настроенной молодежи. Так, в распространяемой в день похорон 27 сентября (9 октября) прокламации «И. С. Тургенев», написанной народовольцем П. Ф. Якубовичем, говорилось: «Над не зарытой еще могилой поэта, у его свежего трупа происходит настоящая свалка. Среди этого шума и гама громче всех раздаются голоса нововременских флюгеров, у которых за душой не имеется ни одного истинного, не продажного чувства <...>. В минуту небывалого пригнетения родины эти бульварные руководители общественного мнения ударяются в область красоты <...> во имя формы глумятся надо всем, в чем просвечивает ненавистная им революционная мысль и чувство. Умер Тургенев — они и его привлекают в свои жирные объятия и его торопятся отделить ревнивой стеной от всякой злобы дня, от русской молодежи, от ее идеалов, надежд и страданий <...>. Гг. Стасюлевичами, Я. Полонскими, и комп., якобы друзьями покойного, опубликованы как письменные, так и устные мнения И. С. Тургенева о русской революции, в которую он будто бы не верил и которой не служил. Но мы и не утверждаем, что он верил. <...> это для нас безразлично. Для нас важно, что он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь <...> Катков с нами согласен».⁴³

Таким образом, прокламация, посвященная защите Лаврова от Суворина, окончательно возводила Тургенева в ранг не только осознанных сочувственников революции, но и тех, кто субсидировал ее грядущее торжество. Не исключено, что именно такой исход, явившийся результатом публикации «Московских ведомостей» с казалась бы невинным мемуарным свидетельством, планировался и был спровоцирован Лавровым, который использовал Каткова, зная историю сложных отношений между ним и Тургеневым, в своих целях. Скандал, вызванный публикацией этого письма, побудил Каткова выступить с ответным словом в редакционной статье без подписи и заглавия: «Москва, 19 сентября. Печать наша вдруг напустилась с удивительным пылом на корифея рус-

ливо упрекнуть, — вспоминал Г. Н. Вырубов: — оставаясь сам вне всякой опасности, он разжигал и без того уже разгоряченные страсти молодежи. Сколько „лавровцев“ погибло в русских тюрьмах и сибирских тундрах!» (*Вырубов Г. Н. Революционные воспоминания. С. 70*).

⁴³ *Якубович П. Ф. И. С. Тургенев (прокламация народовольцев) // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и комментировал М. К. Клеман; ред. и введение Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 3, 8.*

Похороны Тургенева. Постановка гроба на траурную колесницу у станции Варшавской железной дороги. Гравюра по рисунку К. Брожа. 1883 г.

ских социалистов и революционеров, известного Петра Лаврова. <...> Умер Тургенев и Лавров счел своим долгом почтить его память изъявлением благодарности за поддержку, которую тот оказывал Лаврову при издании социалистского и революционного органа „Вперед!“ . И вот теперь только и речи, что об этом якобы гнусном поступке Петра Лаврова; он-де оклеветал знаменитого писателя, он лжец, злоумышленник, негодяй. <...> Мы оказались чуть не соумышленниками Лаврова, чуть не продиктовали ему это заявление». При этом редактор «Московских ведомостей» дал неожиданное «объяснение» поступку писателя: «Пятьюстами франков, которые Тургенев ежегодно посылал в редакцию революционного журнала „Вперед“, и другими подобными щедротами он откупался от травли, которая не давала ему покоя в шестидесятых годах и которая сразу прекратилась в семидесятых, когда Тургенев решил платить дань печенегам и половцам». Версия Каткова, разумеется, не выдерживает критики, но по сути дела он был недалек от истины. Факт поддержки Тургеневым революционного органа отрицать нельзя, как нельзя не признать доли справедливости в следующем его утверждении: «Тургенев был художник по преимуществу. <...> Политические интересы мало занимали его, и он не имел твердого гражданского

образа мыслей. Все достоинство его произведений заключается в чистой художественности. <...> Если талант Тургенева не отличался глубиной и обширностью концепций, то произведения его блещут прелестью рассказа, поэзией описаний, тонкостью отделки».⁴⁴

Суворин отразил и этот выпад Каткова: «Как однако дешево можно откупиться от нынешних печенегов и половцев! Впрочем, по тону статьи видно, что г. Катков скорее иронизирует, чем говорит серьезно».⁴⁵ «Странное дело! — отвечает Суворин. — Иностранцы о Тургеневе лучшего мнения, чем г. Катков. Дело не в том, что он „всемирный гений“, а в том, что он не уступит ни одному из современных европейских писателей. Этого довольно».⁴⁶

Накануне похорон, 25 сентября, Суворин вновь вернется, в связи с парижской надгробной речью Г. Н. Вырубова, к настойчиво развиваемой им теме национальной принадлежности писателя: «...отчего так торжественно и симпатично отнеслась вся Европа к Тургеневу и так незаметно прошла смерть Герцена <...> отчего смерть Тургенева прошла гораздо заметнее в этой Европе, чем смерть Жоржа Санда, Теккерея, Диккенса, Дарвина? Что за струна такая оборвалась <...> которая издала такой яркий, громкий, всем понятный звук, что все поспешили ответить на этот звук своими симпатиями?...». Суворин убежден, что в лице Тургенева Русь предстает «не ученицей Европы, робко списывающей с образцов», а самостоятельной и образованной страной, «во всеоружии своего просвещения и таланта».⁴⁷

Кульминацией общественного настроения стали состоявшиеся 27 сентября (9 октября) проводы траурной колесницы с телом писателя от Варшавского вокзала до Волкова кладбища, куда стекался многотысячный людской поток под присмотром полиции и войск. Подробная хроника этого события была опубликована в «Новом времени» на следующий день.⁴⁸ Не последнюю роль в подготовке этой кульминации сыграли пуб-

⁴⁴ *МВед.* 1883. 21 сентября. № 262. С. 1. Б. п.

⁴⁵ <Суворин А. С.?) Среди газет и журналов // *НВр.* 22 сентября (4 октября). № 2718. С. 2–3.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Незнакомец* <Суворин А. С.> Письма к другу. XXXIX // *НВр.* 1883. 25 сентября (7 октября). № 2721. С. 1.

⁴⁸ См.: <Б. п.> Похороны Тургенева // *НВр.* 1883. 28 сентября (10 октября). № 2724. С. 1–2. Среди 176 депутатий на похоронах редакция «Московских ведомостей» не была представлена. Краткая заметка о прошедшей церемонии была опубликована в газете на следующий день, см.: *МВед.* 1883. 28 сентября. № 269. С. 2.

ликация Суворина, воплотившего свою основную мысль, что истинно национальный писатель заслуживает признания своего народа.

Однако история с «прискорбным переполохом» имела дальнейшее продолжение. Накануне первой годовщины со дня смерти Тургенева Катков возобновил свои нападки на писателя и перепечатал из женевского подпольного издания, редактируемого Лавровым, фрагмент из его воспоминаний о Тургеневе, снабдив эту публикацию собственными комментариями. Катков приводит следующие строки Лаврова: «Иван Сергеевич оказал услугу русским либералам и мертвый», русское правительство не смогло «препятствовать» торжеству похоронной «церемонии, в которой участвовали все оппозиционные силы России, группируя около себя», следовательно против правительства, «множество сил в сущности вовсе не оппозиционных», и таким образом был нанесен «удар призраку непоколебимости русского абсолютизма. Мертвый Тургенев, окруженный пением православных попов», продолжал «бессознательно дело своей жизни»; и его художественные типы, и «его покрытый бесчисленными венками гроб были ступенями, по которым неудержимо и неотразимо шла к своей цели русская революция».⁴⁹ На сей раз Катков не смог сдержать эмоций: «Как вам все это нравится, м<илостивые> г<осудари>? — вопрошали «Московские ведомости» в редакционной статье без подписи и заглавия. — Ошибались ли мы, раскрывая в прошлом году смысл демонстрации на могиле Тургенева? Требовалось заставить Россию чествовать революционный принцип под именем писателя, который по малодушию или по тщеславию отдал свой флаг для прикрытия революционной контрабанды; требовалось заставить массу людей, не имеющих ничего общего с *отпозиционными* партиями, повиноваться их распоряжению; требовалось заставить самое правительство или его учреждения покорно следовать их команде».⁵⁰

Выпад Каткова Суворин парировал немедленно: «Из того революционного чада, которым дышат Лавровы, ничего другого и ждать нельзя, кроме головокружительных обобщений! Но г. Катков?.. Он ведь не в женевских подпольях черпает свои вдохновения?». «Никто не забыл, конечно, — продолжал он далее, — как отнесся г. Катков к своему бывшему сотруднику, писателю Тургеневу, когда последний умер и русское общество почтило память его приличным случаем образом», и вот те-

⁴⁹ Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества. С. 149.

⁵⁰ МВед. 1884. 8 августа. № 218. С. 2.

перь последовали его новые «соображения», которые Лавров встретит «с не меньшим восторгом».⁵¹

Однако и на этом своеобразная «дуэль» Суворина и Каткова не закончилась. «Московские ведомости» в скором времени поместили статью «Тургенев и нигилисты», анонимный автор которой с помощью выдержек, отобранных из той же статьи Лаврова, постарался доказать, что Тургенев «сочувствовал не только теоретикам, но и практикам нигилизма».⁵² Ответ Суворина не заставил себя долго ждать: «...г. Лавров старается всеми силами навязать и Тургеневу и его произведениям тот смысл, какого они не имели. И это понятно: лестно пристегнуть такое имя к своей партии! Можно ли без смеха читать, что Тургенев говорил, что сам бы пошел в нигилисты, если б не был так стар! Ведь это дико слышать». Подводя черту под затянувшейся полемикой, издатель «Нового времени» выносит окончательный вердикт: «Что Тургенев далеко не был тем, что сказывается „характером“, что он был способен подделываться под вкус того, с кем говорил, что он склонен был искать популярности, хотя его талант и без того давал ему нечто высшее — именно славу, это знают все, кто знаком был с ним; но чтобы он был способен сочувствовать злодействам <речь идет об известной реакции Тургенева на покушение народовольца А. К. Соловьева на Александра II. — С. И.> — этого никто не докажет и никто доказать не может».⁵³

Из большого числа посвященных Тургеневу некрологических статей, воспоминаний, заметок, сообщений, объявлений, напечатанных в «Новом времени» в течение конца августа — сентября 1883 года, для публикации были отобраны, помимо упомянутого ранее некролога, подписанного «Незнакомцем», наиболее интересные и содержательные статьи. Можно предположить с большой долей уверенности, что большая часть посвященных Тургеневу статей без подписи принадлежит перу Суворина, хотя это предположение требует дополнительных аргументов. Как бы то ни было, все эти публикации делались с ведома Суворина и отражали его взгляд на вещи. Собранная воедино, посмертная тургениана «Нового времени» представляет несомненный интерес для истории русской литературы и журналистики.

Все статьи публикуются в хронологическом порядке, по текстам газетных публикаций, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации.

⁵¹ *НВр.* 1884. 10 (22) августа. № 3035. С. 2 (б. п.; раздел «Среди газет и журналов»).

⁵² *МВед.* 1884. 17 сентября. № 258. С. 3.

⁵³ <Суворин А. С. ?> Маленькая хроника // *НВр.* 1884. 19 сентября (1 октября). № 3075. С. 3.

Письма к другу. XXXV

Тургенев умер. Почти несколько лет сряду смерть уносит у нас лучших людей, и сиротливее становится общество, беднее наша литература. Великие таланты нас покидают, учителя уходят от нас...¹

Тургенев умер от рака спинного хребта, после страданий сверхчеловеческих, которые тянулись почти целый год. Крики, стоны, внутренние рыдания, отчаяние, переходящее в бессилие, гнев, обращающийся в ярость, — все это он испытал и узнал, и если так долго продолжался этот бой с мучительной болезнью, то виновата сильная натура больного. Наука ничего не помогла. Она только определила болезнь, что-то резала, гадала и выдумывала, по обыкновению наврала и в определении болезни, назвав ее грудною жабой,^{* 2} и давала одуряющие вещества, которые на время прекращали страдания. И то слава Богу, что природа создала нечто такое, что дает возможность человеку отдохнуть от мучений. Океаниды утешали Прометея, которого терзал коршун, морфий утешает современного человека, когда его терзает коршун болезни. А жить все хочется. Чуть утихнет боль, чуть успокоится плоть, и душа тотчас засияет жаждою жизни, любовью к этому свету. Как в нем ни дурно порою, как ни скучно, а инстинкт жизни зовет к жизни и к свету. И дни идут, сияет солнце и заходит, и надежда, как солнце, то сияет, то одевается покровом ночи, и воображение рисует все то, что будет и над гробом нашим и там, откуда не приходил ни один странник. Какие новые места, новые впечатления и горизонты, быть может новые знакомства, быть может — ничего... Ничего!.. Дух не может с этим помириться. Пока есть сознание, оно страстно желает жить и за гробом. А здесь, пока тело не опущено еще в землю — здесь все так старо, так знакомо... Раньше всех постучится гробовщик... Бедный страдалец! Раньше гробовщика к Тургеневу явился г. Маркс, издатель «Нивы», и старался снять с него мерку. Больной отбивался, горячился, но Маркс был непреклонен — ему надобна была расписка в том, что он хотел снять с него мерку. Ему дали ее, тогда он оставил больного в покое и напечатал с искренностью младенца, как он являлся к Тургеневу в качестве гробовщика...³

* Не европейские врачи верно определили болезнь, а русский врач, Белоголовый. — *Примеч. Суворина.*

Теперь лежит этот сильный человек заколоченным в гробу и никто его не потревожит, никто и ничего от него не потребует. Гроб поставят в вагон и привезут сюда. Мертвый проедет поэт эту Европу, которую он так любил. Петербург выйдет к нему навстречу и увенчает лаврами и цветами, и прольются искренние слезы над тем, кто будил чувства и разум, кто создал вечные образы героев и героинь, которым он дал плоть и кровь, которых оторвал от своей души и заставил жить вечно. Как Бог создал бессмертную душу, так творит художник бессмертных людей. Когда обыкновенного человека опускают в могилу, опускают только его тело; когда погребают художника, погребают вместе с ним и ту часть творческой силы, которую остановила смерть. Как не жалеть и не плакать! Будет плакать особенно искренно русская женщина — он был ее поэтом по преимуществу, он любил ее и знал, и она его горячо любила. Никого русская женщина так не любила, как Тургенева; это ее кумир, ее полубог. Ни одной строки во всех томах его произведений не найдешь, что б оскорбило, что б задело чуткую душу женщины. Он любил женщину деликатную, изящную в душе и сердце, и ставил ее на пьедестал. Он был рыцарем ее, и она это понимала. Его Одинцова отвернулась от Базарова, когда тот бросился на нее грубо и выдал перед нею свою невоздержную страсть. Любовь должна знать границы, и женщина внушать к себе чувство уважения. Даже от его крестьянок веет поэзией и тою грацией, которая должна быть в женщине. В этом морализующая сила его женских лиц, их права на внимание, на свободу, на высокое положение в обществе. И русская женщина это сознает и потому так горячо любит своего поэта, истолкователя своей жизни. Тургенев первый вывел женщину из замкнутой среды любви и семейного очага, он первый дал ей силу сочетать любовь с задачами общественной жизни, он первый указал ей новые пути, не лишая ее женственности, не отнимая от нее того, что всегда составляло и будет составлять ее настоящую силу. И русская женщина понимала это чутьем, чувствовала правду этого даже тогда, когда она думала, что освободилась от всех этих прикрас, от всей этой женственности и поравнялась с мужчиною. Во время пушкинского праздника можно было наблюдать некоторый раскол между женщинами: одни отошли к Достоевскому, другие колебались между тем и другим, но над этим расколом блеснул образ Лизы из «Дворянского гнезда», чудесный образ, поставленный высоко самим Достоевским, рядом с Татьяной Пушкина.⁴ Лиза мирила, мирила та ясная женская любовь, которая разлита в его произведениях и которая в последние годы явилась в каком-то таинственно-прекрасном, млеющем и дрожащем экстазе в «Песни торжествующей любви» и в «Кларе Милич». Он был

поэтом женщины, и после Пушкина ни у одного из писателей наших любовь не являлась в таких чарующих душу чертах, в таком обольстительно стыдливом образе... «Или рядом с другом моим, Белинским, положите меня, или у ног моего учителя, Пушкина», — говорил страдалец-поэт на смертном одре...⁵

Мериме справедливо указал, что в натуре Тургенева много женского.⁶ Этот атлет по виду, высокий, широкоплечий, плотный и сильный, был застенчив и легко подчинялся, подчинялся, как ребенок, во всем том, что не трогало его убеждений. О нем ходит множество рассказов, для передачи которых нужен изящный юмор Диккенса и его правдивый, не оскорбляющий тон. В обществе он очаровывал женщин и мужчин мастерством своей беседы, своего рассказа, всегда приправленного юмором и добродушием. Он воодушевлялся, вскакивал, жестикулировал, добрые глаза его светились так, точно улыбались они, а голос повышался до детского тона и звенел искренностью.⁷ Кто был на пушкинском празднике, тот вспомнит, как он смеялся, как ребенок, и краснел, как школьник, когда начал говорить «Пророка» Пушкина наизусть, сбился и забыл.⁸ Его простая и хорошая душа светилась в этом смущении, как светится она в его произведениях, как светилась во всякой беседе, во всяком рассказе. Он был настоящим джентльменом, чуждым всякой несдержанности и угловатости в своих сношениях с людьми. Базарову он не мог сочувствовать, хотя изобразил его с необычайной правдой. Он был совсем не того закала человек и его объяснение по поводу «Отцов и детей» не вполне искренно.⁹ Он в этом случае поднимал себя в чужую сферу, старался найти в себе то, что если и было, то было в минуты озлобления. Он близок к Лаврецкому. Автобиографические подробности есть в «Пунине и Бабурине», как он писал раз, когда этот очерк явился в печати в исправленном виде.¹⁰ Пессимистом он никогда не был и на жизнь смотрел светло, да светла она и была у него. Он никогда не знал ни бедности, ни нужды, ни даже необходимости работать. Он был вполне обеспеченный, даже богатый человек. Он мог работать на свободе, когда хотел, когда мог работать, когда его влекло к работе, когда понуждало вдохновение. Но он работал постоянно и неумоимо, потому что постоянно горел в его душе светоч таланта и потребность говорить с своей родиной. Он не писал только свои произведения, но вырабатывал их. Его рукописи были всегда прекрасно переписаны им самим, его ясным и твердым почерком, и он признавал это необходимым, так как, переписывая сам, ясно видишь недостатки, длинноты, излишнее, неловкие слова и фразы. Гончаров приводил в отчаяние г. Стасюлевича своими корректурами, перемарывая целые страницы,

когда «Обрыв» печатался в «Вестнике Европы»;¹¹ граф Лев Толстой в такое же отчаяние приводил г. Бартенева, когда тот наблюдал за печатанием «Войны и мира»: корректуры исписывались чуть ли не так же, как исписывал их Бальзак, и только что наборщики поправят — новые краски ложились на старые.¹² Тургенев отделявал свои произведения в рукописи так же тщательно, как отделяет художник свою акварель. Один из очень даровитых писателей, приятель Тургенева и Толстого, любил сравнивать первого с художником-акварелистом, а второго с художником, который пишет масляными красками.¹³ У Тургенева все приведено в гармонию, все тщательно отделано и вырисовано, Толстой широкой и сочной кистью пишет, и краски ложатся как бы сами собой, выпукло, ярко, могуче. Но если Тургенев акварелист, то великий акварелист, и только великий талант, весь проникнутый служением родному искусству, родной литературе, мог так высоко ставить Льва Толстого, что называл его слоном в сравнении с собою.¹⁴ И Толстой дошел до пессимизма, до отрицания жизни, до мысли о самоубийстве, от которого спасло его христианство. Тургенев мирился с жизнью, которая, повторяю, была светла у него и начала ему улыбаться с самого раннего возраста. Первые же произведения, стихотворные и относительно слабые, доставили ему уже известность и любовь публики. Любовь эта росла и росла, и если после «Отцов и детей» поколебалась в одной части общества, в особенности среди молодежи, то это было простым недоразумением, которое тем более огорчило Тургенева, чем он яснее видел он <так!> несправедливость упреков.¹⁵ Этому недоразумению, однако, мы обязаны теми блестящими страницами в «Дыме», где он рисует высшее петербургское общество, съехавшееся на воды в Баден-Баден. Страницы эти — художественная сатира, и Тургенев прав, когда говорил в своих письмах, что «художественное произведение — если оно удалось — злее самой злой сатиры».¹⁶ Вообще же жизнь Тургенева шла среди литературных триумфов и общей любви, и недоразумения между ним и читателями были легкие облачка, тревожившие Тургенева лишь потому, что душа у него была слишком впечатлительная.

Лет восемь тому назад он писал в одном письме: «После 40 лет жить точно — не совсем весело, особенно в течение первых десяти лет. Ну, а потом под влиянием холодка, веющего от могилы, человек успокаивается. Мне одна петербургская немка-старуха, бывало, говаривала: Под старость жисть подобна есть мухе: „пренеприятный наксеком. Надотерпейт!“ — Именно надо терпеть!»¹⁷ Надо в то же время принять во внимание, что поколение писателей, к которому принадлежал Тургенев, отличалось всегда необыкновенною внутреннею живучестью и со-

храняло до глубокой старости что-то свежее и бодрое вместе с ясной надеждой на будущее. Эти старики среди тридцати- и сорокалетних представителей нашего поколения казались юношами, исполненными подвижности, говорливости, юмора, общительности, веселости. Присутствие хорошенькой женщины, просто приятное расположение духа, внутренняя потребность в общительности сейчас же делали их душою общества, и занимательная, чудесная речь так и лилась из их уст. Они шире были образованы и лучше воспитаны, в лучшей обстановке, чем мы. Мы как-то специализировались, разбились на кучки, завернулись в самолюбия и в свои политические воззрения, и для нас не существует всего того разнообразия жизни, которое существовало и существует для них. Мы и трудимся иначе — порывами, нервно, запоем, не рассчитывая своих сил, не сберегая их, мы и не проживем так долго, как они, да жалеть об этом никто не станет. Другая среда, другие нравы, более мелочно-политические, специализованные и замкнутые, нахмуренные какие-то и деловитые; начинается господство демократии, крикливых озлобленных споров, страстной погони за куском насущного хлеба, материального и нравственного; у них же были нравы художественного, широкого круга, которому все человеческое было не чуждо, и всему они отдавались с большей верою в жизнь и в ее многообразные задачи и наслаждения. Тургенев был наиболее ярким выразителем этого литературно-художественного круга, наиболее ярким, блестящим и глубоким. Он везде был свой, везде, где присутствовала живая душа, где билось человеческое сердце, где интересы повышались над уровнем пошлой обыденности. Аристократ по рождению, воспитанный как аристократ в лучшем смысле этого слова, он искал аристократии ума и таланта. И герои его аристократы ума, таланта или чувства, униженные и унижаемые, но безраздельно владеющие нашими симпатиями и возвышающие наш дух, наше сердце. Лучше ли, что он жил в Европе, которая не могла ему дать больше того, что он получал бы из этой Европы и в России? Вопрос, который можно решать так или иначе. Тут большую роль играют личные симпатии, сердечная привязанность и привычка. Тут пришлось бы касаться слишком деликатных струн. Над гробом великого таланта не место таким спорам. Мы почитаем в нем своего русского человека, свой русский огромный талант, который служил только России, писал только о России и давал лучшую часть своей души, свое творчество, только России. И Русь наиболее и ценила его, а за Русью — Германия и Соединенные Штаты. Да, Германия, а не Франция, где он жил. Там были его домашние привязанности, там были друзьями его большие таланты, как Флобер, Жорж Занд, Додэ, Зола, только сильные

таланты признавали его там и любили, но читатели, критики мало интересовались им. Только Россия понимала его вполне. В России и жить он будет вечно в своих произведениях, в русской земле успокоится и прах его и соединится с нею навек... «Хвала и честь Европе!» — воскликнул над гробом его один русский журналист.¹⁸ Причем тут Европа? Он был там гостем, у нас — он свой, любимый, лучший сын своей родины. Хвала и честь России, что она произвела такой талант, воспитала его и сберегла, дала ему высказаться и возмужать и слушала с восторгом его художественные, чудные, пророческие речи...

Незнакомец.

Печатается по: *НВр*. 1883. 28 августа (9 сентября). № 2693. С. 1–2.

¹ Вероятно, не случайно Суворин начинает некролог так же, как в свое время Тургенев начал свою статью по поводу смерти Гоголя: «Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова? <...> Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертию, назвать великим <...>» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 64). Суворин, разумеется, читал эту статью. В письме к Тургеневу от 25 марта 1875 г. он спрашивал: «...Вас выслали в деревню за письмо о Гоголе <...>?» (см.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 339, 342, примеч. 25). В 1902 г. он записал в своем дневнике: «Когда Гоголь умер 50 лет тому назад, Тургенева посадили под арест за то, что он напечатал статью о Гоголе, назвав его гениальным писателем» (*Суворин А. С. Дневник*. С. 434).

² Один из лучших парижских врачей Ф.-С. Жакку (Jaccoud), а также знаменитый врач Ж.-М. Шарко (Charcot) диагностировали Тургеневу грудную жабу и прописали строгую молочную диету, которая дала временное улучшение в самочувствии писателя. Консультировал Тургенева в последний период его жизни *Николай Андреевич Белоголовый* (1834–1895), лечивший Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Личное знакомство Белоголового с Тургеневым состоялось в марте 1882 г., в течение полутора лет врач наблюдал за здоровьем писателя. 28 апреля (10 мая) 1882 г. Тургенев писал Ж. А. Полонской, что его смотрели многие доктора, среди которых и Белоголовый, которые поставили диагноз «*подагрическая невралгия сердца*» (*ПССиП(1)*. Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 243). В июне Белоголовый посоветовал Тургеневу проконсультироваться у французского терапевта Жакку. Среди врачей, лечивших Тургенева, были также Поль-Фердинанд Серон (Segond), Л. Б. Бертенсон, Пьер-Карл-Эдуард Потэн (Potain), Эдгар Гиртц (Hirtz), Жюль-Гастон Маньен (Magnin), Виктор Бюрк (Burg), Поль-Камилл-Ипполит Бруардель (Brouardel).

Л. Д. Урусов, друг Л. Толстого, писал ему 7 (19) апреля 1883 г.: «Бедный Тургенев очень страдает. Я выдаю его, когда нет припадков. Он умоляет, чтоб его отравили, сделался раздражителен и говорит, что желает одного — смерти. Никто до сих пор не знает, что у него, и доктора действуют ощупью. То у него была *angine restore* <грудная жаба — *франц.*>, то *inflammation de la gaine des nerfs* <воспаление нервных центров — *франц.*>, а теперь *returbations cardiaques* <нарушение сер-

дечного ритма — *франц.*), мерзавцы изожгли, искололи и измучили его. Правда, что нельзя оскультировать <прослушать. — *С. И.*> его, следовательно, и определить болезнь: но тогда надо бы оставить его в покое» (см.: О Тургеневе / Публ. Е. Молоствовой // *Звенья*. Вып. 6. С. 798; в *Летописи* письмо не отмечено). В последнем письме к Л. Толстому Тургенев писал: «...доктора даже не знают, как назвать мой недуг, *névralgie stomacale goutteuse* <желудочно-подагрическая невралгия — *франц.*>. Ни ходить, ни есть, ни спать <...>» (*ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 180). Наблюдения Белоголового нашли отражение в его мемуарных записках «Кое-что о болезни И. С. Тургенева», опубликованных сразу же после смерти Тургенева и, безусловно, известных Суворину. Наблюдая за больным и анализируя заключения других врачей, Белоголовый описал ход болезни и диагнозы французских врачей, лечивших писателя: «Мне казалась сомнительною и диагностика профессора П. Бруарделя, признававшего у И. С. аневризму дуги аорты, и несколько натянутым — предположение профессора Потэна, что в данном случае болезнь заключается в воспалении нервов в связи с перерождением кровеносных сосудов». Врач семьи Виардо Ж.-Г. Маньен был также, по словам Белоголового, «совершенно сбит с толку разнообразными диагностами парижских знаменитостей: Шарко, Жакку, Бруарделя и Потэна». После осмотра, который состоялся в марте 1882 г., Белоголовый «высказал свое предположение доктору <Маньену. — *С. И.*> о вероятности в данном случае мелких раковых или саркоматозных узлов в спинном хребте и, вероятнее всего, на мозговых оболочках». Узнав впоследствии из опубликованных результатов вскрытия о том, что у Тургенева «нашли рак позвоночника», он заметил: «...нельзя не подосадовать, что эта весьма редкая форма болезни не была клинически прослежена с должными подробностями и что само вскрытие, по причине перевозки тела, не могло быть сделано с тою обстоятельностью, какая была бы желательна» (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 411–419). Диагностика болезни Тургенева занимала и других русских медиков — см.: *Бертенсон Л. Б.* История болезни Ивана Сергеевича Тургенева («Медицинский вестник», № 36) // *Новости и Биржевая газета*. 1883. 4 (10) сентября. № 154. С. 5; Мнение С. П. Боткина о ходе болезни И. С. Тургенева (Читано в обществе русских врачей 27 октября) // *Новости и Биржевая газета*. 1883. 29 октября. № 209. С. 2. Протокол вскрытия Тургенева, был опубликован Сувориним позже по подлиннику, переданному в редакцию «Нового времени» (см.: *НВр*. 1883. 16 (28) октября. № 2742. С. 2; см. также: 17 (29) октября. № 2743. С. 2 — список опечаток в публикации протокола; С. П. Боткин о болезни Тургенева <по поводу протокола вскрытия> // *НВр*. 1883. 29 октября (10 ноября). № 2755. С. 3). О протекании предсмертной болезни Тургенева см. также: *Утевский Л. С.* Смерть Тургенева. 1883–1923. С. 45–46; *Waddington P.* Turgenev's Mortal Illness from its Origins to the Autopsy. Pinehaven, NZ, 1999.

³ Речь идет об издателе еженедельного иллюстрированного журнала «Нива» А. Ф. Марксе, посетившем 26 мая (7 июня) 1883 г. тяжело больного Тургенева в Буживале (см.: *Летопись (1876–1883)*. С. 525). Буквально за несколько дней до смерти Тургенева Маркс, сообщив о «тяжкой болезни маститого писателя», опубликовал описание этого свидания: «Мы поздоровались и первым его вопросом было: приехал ли я в Париж для того только, чтобы с ним переговорить? Конечно, я подтвердил. „Мне досадно, — сказал И. С., — что вы приехали понапрасну“. И. С. казался

очень большим, взволнованным и расстроенным <...>. Когда я наконец упомянул, не позволит ли он напечатать в „Ниве“ некоторые из его писем, чтобы дать что-либо читателям, раздражение его усилилось и он сказал: „Но Боже! ваши читатели не какие-нибудь тигры и львы! Наконец приходится покориться этому *état de force majeure* <чрезвычайному обстоятельству — *франц.*>. Я — измученный старик, который ждет смерти как избавления от вечных страданий и который не надеется на выздоровление. <...>“ Более ничего нельзя было сделать. Он был так расстроен, как только может быть тяжело больной, и так слаб, что я поторопился окончить разговор. <...> Остается надеяться, что крепкая натура Ивана Сергеевича все же выдержит тяжкую болезнь» (<*Маркс А. Ф.*> Об И. С. Тургеневе (От издателя). С. 820–821).

⁴ Достоевский в своей Пушкинской речи высказался о Татьяне как о главной героине «Евгения Онегина», «апофеозе русской женщины» и добавил: «Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в „Дворянском гнезде“ Тургенева и Наташи в „Войне и мире“ Льва Толстого» (*Достоевский*. Т. 26. С. 140); однако заключительная часть фразы в печатный текст не вошла. Н. Н. Страхов вспоминал: «При имени Тургенева зала, как всегда, захохотала от рукоплесканий и заглушила голос Федора Михайловича. Мы слышали, как он продолжал: „...и Наташи в «Войне и мире» Толстого“. Но никто в зале не мог их слышать, и он должен был остановиться, чтоб переждать, когда утихнет вновь и вновь подымавшийся шум. Когда он стал продолжать речь, он не повторил этих заглушенных слов и потом выпустил их в печати, так как они действительно не были произнесены во всеуслышание» (цит. по: Там же. С. 496). Присутствовавшая на выступлении Достоевского Л. Ф. Нелидова вспоминала: «Всем памятно то движение руки, поцелуй, посланный Тургеневым Достоевскому в минуту, когда он в своей речи говорил о Лизе из „Дворянского гнезда“. Все знали о их неприязненных отношениях, и это была одна из лучших минут этого удивительного праздника» (*ВЕ*. 1909. № 9. С. 236). 17 августа 1880 г. И. С. Аксаков в письме к О. Ф. Миллеру сообщал о реакции Тургенева на это сопоставление: «Ив. Сергеевич вовсе этого от Достоевского не ожидал, покраснел и просиял удовольствием. Такое сопоставление создания Пушкина, препрославленного в данную минуту, сопоставление публичное, торжественное, с его собственным творением не могло, разумеется, не быть приятно Тургеневу. <...> Некоторые тогда же подумали, что со стороны Достоевского это было своего рода *captatio benevolentiae* <заискивание — *лат.*>. Это несправедливо. Ровно дней за двенадцать <...> Достоевский в разговоре со мною о Пушкине повторил почти то же <...> и так же упомянул о Лизе Тургенева, прибавив, впрочем, при этом, что после этого Тургенев ничего лучшего не написал» (*ЛН*. Т. 86. С. 514). Сам Достоевский в письме к С. А. Толстой (вдове А. К. Толстого) от 13 июня 1880 г. писал: «Все плакали, даже немножко Тургенев. Тургенев и Анненков <...> кричали мне вслух, в восторге, что речь моя гениальная и пророческая. „Не потому, что вы похвалили мою Лизу, говорю это“, — сказал мне Тургенев» (*Достоевский*. Т. 30. Кн. 1. С. 188). Суворин присутствовал на заседании, на котором Достоевский произнес свою речь, и вел переговоры с писателем о публикации ее в «Новом времени» (см.: *Суворин А. С.* Дневник. С. 351; *Достоевский*. Т. 26. С. 456–457).

⁵ О своем желании быть похороненным рядом с В. Г. Белинским Тургенев говорил М. М. Стасюлевичу, а также А. В. Топорову и, согласно воспоминаниям А. П. Боголюбова, А. А. Мещерскому, присутствовавшему при кончине писателя. В письме к М. М. Стасюлевичу из Парижа от 18 (30) июля 1883 г. Топоров сообщал: «Вчера, в Буживале, я познакомился с кн. Орловым, долго гулял с ним и разговаривал о Т<ургеневе> и о том, что он просил меня перевезти его, мертвого, в Россию и похоронить на Смоленском <описка: на Волковом. — С. И.> кладбище, возле Белинского» (см.: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 262). Боголюбов, посетивший смертельно больного Тургенева в самом конце июля, вспоминал: «Тут кн. Мещерский, настаивавший и прежде моего входа к Тургеневу, чтоб я завел разговор с ним о месте его погребения, на что я, конечно, никогда бы не согласился, прямо в упор сказал французу <А. Дювернуа, зятю Полины Виардо. — С. И.>: „Ну а хоронить, где его собираетесь?“ — „Это вопрос почти решенный. Он всегда говаривал, что желал бы лежать у ног своего учителя Пушкина, но в конце концов сказал — положите меня рядом с Белинским“» (Из «Записок моряка-художника» / Публ. Н. В. Огаревой // *ЛН*. Т. 76. С. 462). Однако место рядом с могилой Белинского на Волковом кладбище было занято, поэтому распорядители похорон Тургенева купили место для могилы писателя около соборной церкви (см.: *НВр*. 1883. 14 (26) сентября. № 2710. С. 1). П. Виардо намеревалась похоронить Тургенева на парижском кладбище Пер-Лашез, так как в разрешении на захоронение в России не был упомянут Петербург (см.: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 233). По воспоминаниям Боголюбова, А. А. Мещерский «при разговоре с покойным» «вывел заключение, что Иван Сергеевич хотел знать мнение Mme Виардо, где быть ему погребенным, и что ежели бы она сказала, что фамильный монтмартский склеп соединит их бранные останки навсегда, то Тургенева Россия не получила бы. Он ждал этого решения, но его не последовало. <...> Но ежели так не получилось, то надо уметь опять понять слова Mr Дювернуа: „Тургенев принадлежит России, а не нам одним. И ежели бы мы вздумали хоронить его у себя, то заслужили бы справедливый гнев всего русского общества“» (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 464–465).

⁶ Источник высказывания П. Мериме установить не удалось. Позже схожая мысль будет высказана в траурной речи Э. Ренана, произнесенной им на церемонии прощания с Тургеневым на Северном вокзале в Париже перед отправлением тела писателя в Россию 20 сентября (2 октября). В этой речи, переданной, вероятно, в «Новое время» и опубликованной Сувориным, говорилось: «Он чувствителен, как женщина, и невозмутим, как анатом, чужд предрассудков, как философ, и нежен, как ребенок» (*НВр*. 1883. 23 сентября (5 октября). № 2719. С. 2).

⁷ Об артистизме Тургенева-рассказчика Суворин, присутствовавший на чтении писателем рассказа «Собака» в конце августа 1861 г., писал: «...он почти не садился и рассказывал, сильно жестикулируя, больше все стоя, преимущественно обращаясь к очень хорошенькой женщине <...>. Он был, как говорится, в ударе и почти не умолкал. Остроумная речь его так и лилась потоком, вызывая на лицах присутствующих самое веселое выражение. <...> Тургенев рассказывал с увлечением, с восторгом: он даже бледнел и лицо его принимало оттенки ужаса в драматических местах» (По поводу «Отцов и детей» (Из моих воспоминаний) // *Очерки и картинки*. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина): В 2 кн. СПб., 1875. Кн. 2. С. 212–213).

⁸ Память подвела Суворина. На Пушкинских торжествах 1880 г. Тургенев несколько раз выступал с чтением стихотворений Пушкина: «Опять на родине» («Вновь я посетил...»), «Туча» («Последняя туча рассеянной бури...») на литературно-музыкальном вечере 6 (18) июня; «Зима», «Поэт» («Пока не требует поэта...») и отрывка из «Цыган» на заключительном литературном вечере в зале Благородного собрания, на котором пушкинского «Пророка» читал Достоевский (см.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*. СПб., 1999. Т. 3: 1875–1881. С. 432 (сост. И. А. Битюгова); *Летопись (1876–1883)*. С. 342–343). Н. Н. Страхов, присутствовавший на этом чтении, отмечал, что «всего значительнее» на этом вечере было чтение «Пророка» Достоевским: вызываемый аплодисментами, он «дважды читал его, и каждый раз с такой напряженной восторженностью, что жутко было слушать...» (Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 200). Не все современники отнеслись благосклонно к тургеневскому чтению. М. А. Винивитинов вспоминал о его не случайном выборе стихотворений: «Желание сделать себя центром, главным виновником торжества, особенно резко проявилось в выборе стихотворений Пушкина, сделанном Тургеневым для своего чтения. Когда он прочел известное стихотворение „Опять на родине“ и т. д., то публика ясно поняла намерение чтеца применить к самому себе те чувства, которые испытал когда-то Пушкин». На втором вечере, как отмечал мемуарист, выбранные Тургеневым стихотворения также изобличали «в чтеце желание подействовать на публику намеками на свою собственную личность». Его осуждение, в частности, вызвал прочтенный Тургеневым отрывок из «Цыган», рассказ о сосланном Овидии. «По моему мнению, — заметил Винивитинов, — особенно ввиду выбора Тургеневым стихотворений Пушкина на первом вечере, не следовало на втором вечере, после успеха Достоевского, читать стихи, оканчивающиеся словами: „Что слава? — Дым пустой!“» (см.: *ЛН*. Т. 86. С. 503, 506–507). Об эпизоде, когда Тургенев сбился, читая стихотворение «Туча», говорится в воспоминаниях А. Ф. Кони. По словам мемуариста, Тургенев «подошел к рампе и стал декламировать на память, и нельзя сказать, что особенно искусно, „Последнюю тучу рассеянной бури“, но на третьем стихе запнулся, очевидно его позабыв, и, беспомощно разведя руками, остановился. Тогда из публики, с разных концов, ему стали подсказывать все громче и громче. Он улыбнулся и сказал конец стихотворения вместе со всею залой. Этот милый эпизод еще более подогрел общее чувство к нему» (*Кони А. Ф. И. С. Тургенев // Т в восп совр.* Т. 2. С. 132; в *Летописи* не отмечено).

⁹ Суворин, очевидно, намекает на следующий пассаж в статье Тургенева «По поводу „Отцов и детей“» (1869): «...многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений Базарова на художества, — я разделяю почти все его убеждения. А меня уверяют, что я на стороне „отцов“...» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 11. С. 90). В письме к Тургеневу от 19 февраля 1875 г. Суворин дал проникновенный анализ образа Базарова (см. ниже примеч. 15, а также: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 326–327 и примеч. 8 на с. 330).

¹⁰ Впервые повесть «Пуни и Бабури» была опубликована в «Вестнике Европы» в апреле 1874 г. В том же году Тургенев значительно доработал ее для очередного тома издававшегося тогда собрания его сочинений (см.: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 9. С. 435). Вероятно, Суворин читал повесть именно в этом издании. В письме от 25 марта

1875 г. он интересовался: «„Пунин и Бабурин“ — это в значительной степени автобиографические воспоминания или нет? Этот вопрос ставлю потому, что у Полевого сказано, что с русской литературой Вы познакомились через своего дворового человека, страстного поклонника Хераскова. „Пунин и Бабурин“ — одна из прекраснейших Ваших вещей» (см: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 339, 342–343, примеч. 26).

¹¹ Роман И. А. Гончарова «Обрыв» был опубликован в «Вестнике Европы» в 1869 г. (№ 1–5). О сложных взаимоотношениях М. М. Стасюлевича и Гончарова в связи с многочисленными поправками автора можно судить по письмам Гончарова к редактору от декабря 1868 г. Так, в письме от 7 декабря Гончаров писал: «...припомните, как я валялся у Вас в ногах, умоляя, при передаче Вам рукописи, присылать мне *другой оттиск в колонках* после первой корректуры, и с какой редакторской неумолимостью Вы отвергли просьбу: „Я-де буду присылать во второй раз прямо сверстанный лист!“ <...> Ах, махну рукой на все и умру, но предварительно сожгу все следующие части и Вас же попрошу собрать пепел в урну и поставить на моей могиле» (*Стасюлевич*. Т. 4. С. 56). А. Ф. Кони, близко знавший Гончарова, вспоминал: «К условиям творчества Гончарова, кроме его медлительности, относилась и тяжесть самого труда, как орудия творчества. Сомнения автора касались не только существа его произведений, но и самой формы в ее мельчайших подробностях. Это доказывают его авторские корректуры, которые составляли, подобно корректурам Толстого, истинную муку редакторов. В них вставлялись и исключались обширные места, по несколько раз переделывалось какое-либо выражение, переставлялись слова, и уже подписанная к печати корректура внезапно требовалась обратно для новой переработки» (*Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 58).

¹² П. И. Бартенев, державший корректуры «Войны и мира» в «Русском вестнике», писал Толстому 12 августа 1867 г.: «Вы бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания. <...> большая половина Вашего перемарывания вовсе не нужна; а между тем от него цена типографская страшно возрастает»; а днем позже повторял: «Ради бога, перестаньте колупать» (цит. по: *Толстой*. Т. 61. С. 175–176). На что Толстой отвечал 16 августа: «Не мараить так, как я мараю, я не могу и твердо знаю, что мараенье это идет в великую пользу» (Там же. С. 176).

¹³ О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁴ Суворин, безусловно, читал некрологическую статью П. Д. Боборыкина «Памяти Тургенева», где приведено это высказывание писателя. По словам Боборыкина, в конце 1870-х гг. «в большой беседе о графе Льве Толстом, он <Тургенев. — С. И.> самым искренним образом воскликнул:

— У меня нет и одной десятой таланта, какой у Левушки Толстого. Он сам не знает размеров своей творческой силы. Это какой-то слон по дарованию!..» (Новости и Биржевая газета. 1883. 25 августа. № 144. С. 1). Ср.: *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 387.

¹⁵ Под «упреком» Суворин подразумевает отрицательную оценку романа, данную, в первую очередь, членами редакции «Современника». Так, М. А. Антонович в статье «Асмодей нашего времени» (Современник. 1862. № 3) в резкой форме утверждал, что роман клеветает на молодое поколение и воспекает «отцов», что ро-

ман очень слаб в художественном отношении, что Тургенев дискредитирует Базарова, прибегая к злобной карикатуре. Исчерпывающую подборку отзывов о романе см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 436–456; коммент. А. И. Батюто. В статье «По поводу „Отцов и детей“» Тургенев, опровергая широко распространенное мнение о Базарове как о злой карикатуре на вождей революционной демократии, писал, что он имел в виду «личность молодого провинциального врача», в котором воплотилось «едва народившееся, еще бродившее начало», которое получило впоследствии «название нигилизма» (Там же. Т. 11. С. 86).

Суворин в письме к Тургеневу от 19 февраля 1875 г. дал развернутую характеристику Базарову: «...на Вас лежит обязанность окончательно стереть тот упрек, который лежит на Вас со времени „Отцов и детей“». Я лично не разделяю общего предубеждения известного радикального лагеря: по мне Базаров — тип симпатичный и даже полезный в гражданском смысле. <...> явление Базарова было полезно даже с революционной точки зрения: отрицание царило в публицистике, но она не так сильна, как художественный тип, который в сжатых, ярких чертах является представителем революционного направления и действует на читателей так же непосредственно, как разговор задушевный с умным человеком. Этот отрицатель входил в душу читателя как заговорщик, будя в ней то, что спало, и шевеля и подказывая то, что рождалось в виде инстинкта. Ошибка не художественная, а социальная заключалась в том, что Вы пустили по миру кличку „нигилиста“: у нас очень опасно играть в подобные обобщения. Но опять же, еще вопрос, насколько навредили Вы этою кличкою русскому развитию и насколько принесли ему пользы. Базаров прошелся по русской земле как апостол, сея свое учение в виде сжатых афоризмов, видоизменяясь и совершенствуясь, смотря по роду читателей, которые слушали и воспринимали его учение» (см.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 326–327).

¹⁶ Суворин цитирует письмо Тургенева к нему от 14 (26) февраля 1875 г.: «...художественное воспроизведение — если оно удалось — злее самой злой сатиры» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 32).

¹⁷ Суворин имеет в виду письмо к нему Тургенева от 14 (26) марта, 1 (13) апреля 1875 г.: «После 40 лет жить точно не совсем весело — особенно в течение первых десяти лет. Ну, а потом под влиянием холода, веющего из могилы, человек успокаивается. Мне одна петербургская немка — старуха — бывало говаривала: „Под старость *жисть* подобна есть мухе: пренеприятный *наксеком*. Надо *терпейт!*“ Именно надо „*терпейт!*“!» (Там же. С. 62). Замечание из письма Суворина от 25 марта 1875 г., на которое откликается писатель, см.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 339.

¹⁸ Речь идет о П. Д. Боборыкине и его уже упоминавшейся выше некрологической статье «Памяти Тургенева». Отметив, что писатель «две трети своей жизни провел за границей», Боборыкин продолжил: «У нас он был больше гость, чем постоянный житель; но все, что он мог вобрать в свою творческую душу, он вобрал и передал это в образах не одним нам, но и всему свету, той Европе <...> откуда он взял почти все свое духовное добро. <...> Честь и хвала Европе!.. В таких людях, как Тургенев, мы сливаемся с ней всем, что нам драгоценно... И мы знаем, как она умела ценить в нем и писателя и человека» (Новости и Биржевая газета. 1883. 25 августа. № 144. С. 1. Ср.: *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. Т. 2. С. 386).

И. С. Тургенев

Делать от имени Тургенева знамя какой-нибудь политической партии могут только люди, не довольно знакомые с его литературною деятельностью. Тургенев был художник и поэтому не мог заключаться в какую-нибудь узкую политическую доктрину. Он был служитель добра и света, и когда его захотели сделать знаменем партии, он отбивался от этого, колебался, хотел бросить вовсе писать и все-таки вышел из борьбы победителем, т. е. остался художником, одинаково беспристрастно рисовавшим людей, их добродетели и недостатки, их душу. Это гораздо почетнее, всемирнее и глубже, чем быть передовым запевалой какой-нибудь партии. Будь он таковым, его значение умалилось бы значительно, и в Европе он тем менее мог бы иметь значение. Между тем он и так имеет значение как художник, как классик, но классик русский. Вот что говорит «Wiener Allgemeine Zeitung» в фельетоне, посвященном Тургеневу: «Ни один из русских писателей не имел столь распространенной, международной публики; что возвещал он, тому внимали и над тем задумывались в пяти частях света. Его авторитет простирался на всю обширную область новейшей культуры. Пушкин, Лермонтов и Гоголь вне России доступны были только избранному десятку тысяч интеллигентных классов общества. Тургенев же для немцев был немец, для французов — француз, он пользовался правами гражданина почти всюду, и при этом мы должны напомнить, что все же он не принадлежал к нашим. Это только доказывает, что настоящий гений повсюду находит родину, ибо всякому, кто только способен рассуждать, должно быть ясно, что Тургенев в каждой строке выдает свое происхождение. Поэтическое величие у него общее с классиками всех наций; особенность же его составляет тот дух русской земли, который веет в каждом из его произведений. Его дарование было космополитическое, а его сердце билось для России». «Рядом с чертами всемирного характера в произведениях Тургенева везде пробивается огненными искрами русский элемент. Он выдает свое славянское происхождение склонностью к мистическому, к неясному, к таинственному. Сверхчувственный мир влечет его к себе магически. Он один из тех, которые, кажется, в состоянии написать роман четвертого измерения».¹

В этих словах хороший ответ тем бесшабашным россиянам, которые кричат «хвала и честь Европе»,² которые хотят выставить Тургенева каким-то космополитом. Свойство великого таланта в том и заключается,

что он везде сохраняет свою *национальную* физиономию, и только таланты посредственные теряют ее и мечутся в своем бессилии и дряблости, садясь на такой легкий конек, как Европа... Безличию свойственно надевать маску Европы.

Печатается по: *НВр*. 1883. 30 августа (11 сентября). № 2695. С. 2. Без подп.

¹ Суворин приводит здесь в вольном переводе два фрагмента из обширной некрологической статьи австрийского журналиста и писателя Фердинанда Гросса (Gross; 1849–1900) «Iwan Turgenjew», опубликованной в качестве фельетона в утреннем выпуске газеты «Wiener Allgemeine Zeitung» за 7 сентября н. ст. 1883 г. (N 1267. S. 1–3). Еще ранее, 5 сентября, в этой же газете был напечатан небольшой, но прочувствованный некролог Тургенева за подписью «В. М.» (N 1265. S. 6), принадлежавший перу парижского корреспондента «Wiener Allgemeine Zeitung» Бертольду Молдену (Molden; 1853–1942). За указание на эти сведения и предоставленный текст статьи приношу благодарность Луису Сундквисту.

² См. № 1, примеч. 18.

3

Письма к другу. XXXVII

Известно, что нет такого горя, которое бы не проходило, и что нет такого зла, которое не имело бы хорошей стороны. По крайней мере так говорит людская мудрость, всегда склонная все умиротворять. В прошлом году мы потеряли Скобелева,¹ в нынешнем — Тургенева. И в прошлом году и в нынешнем, кроме нас, русских, говорила об этой потере вся Европа, весь мир даже, где только есть печатное слово. В этом говоре нас одна сторона должна утешать: это признание русского таланта, русского гения. На этом востоке Европы, в этой России, являются люди, которые своим талантом заставляют признать развитие России и ее влияние на судьбы Европы. Скобелев пронесся лучезарной кометой на горизонте Европы, Тургенев сиял тихим, но прочным сиянием. В этих людях Европа признает Россию: в одном военный талант и проницательность политика, в другом — художника, давшего почти все, что он мог дать. Умер Пушкин. Европа о нем не говорила, потому что почти совсем его не знала. Знакомство ее с его произведениями началось долгое время спустя после его смерти, и доселе еще Европа вполне его не знает. Один англичанин, выучившийся русскому языку, говорил мне этим летом, что он читает Пушкина: «Да, у вас есть поэт, достойный стать наряду с великими поэтами Европы», — сказал он.² Да, есть, но его еще

не знают, его даже свои намеревались сбросить с пьедестала.³ Признание Европою Тургенева общее и своевременное, вероятно потому что Тургенев жил в Европе. Это обстоятельство немаловажное. К этим двум нашим современникам, умершим, Скобелеву и Тургеневу, надо прибавить третьего, живущего: В. В. Верещагина, в лице которого Европа признала русскую живопись, не только ее технику, которой мы учимся по европейским образцам, но ее зрелую мысль, ее значение.⁴ Всемирная известность ждет и Льва Толстого, когда знание русского языка там распространится. Лев Толстой довольно равнодушен насчет европейской известности и не пользуется даже такими случаями, которыми совсем бы не грех пользоваться.⁵ Пример. Княгиня Паскевич перевела его «Войну и мир» на французский язык и перевела с положительным литературным талантом. Роман не шел года два. Но вдруг он пошел быстро, и потребовалось новое издание. Французский издатель, г. Гашет, обратился с просьбою к переводчице уговорить автора немного сократить свой роман, так чтобы он поместился в одном томе: французы-де привыкли, чтобы роман не превышал одного тома и известной цены, а издатель-де обязан сообразоваться со вкусом своих читателей. Толстой не согласился.⁶ Он вправе ожидать, что Европа признает его таким, каков он есть, как признала она Гёте, Шиллера и Шекспира. Русская литература займет место наряду с английской, французской и немецкой, и это время недалеко, что бы ни говорили еврейско-европейские публицисты, со включением сюда русских жидов и жидовствующих русских.

Бедный Соркин. Это еврей такой есть, принявший христианство, очевидно совсем не по убеждению. Он приставал, как банный лист, к Тургеневу: «Напиши, да напиши рассказ о добродетельном жиде». Тургенев отделался вежливым, но холодным письмом.⁷ Когда г. Соркин — фамилия характерная, — опубликовал свой поступок, один из сотрудников «Нового времени» анализировал этот поступок. Боже мой, какой бранью обрушился на меня этот несчастный. Рвет и мечет.⁸ Для утешения его я укажу на произведение Тургенева, в котором изображена еврейка. Это — «Несчастливая». Пусть он прочтет и успокоится. * <...> Хмурое небо, ветер и дождь... По погоде и герои.

Незнакомец.

Печатается по: *НВр*. 1883. 11 (23) сентября. № 2707. С. 1.

* Вторая часть фельетона посвящена другим темам и поэтому в настоящей публикации не воспроизводится. — *С. И.*

¹ Михаил Дмитриевич Скобелев (1843 — 25 июня 1882), русский военачальник, генерал от инфантерии (1881), герой русско-турецкой войны (1877–1878), освободитель Болгарии.

² Установить автора этого высказывания не удалось.

³ По-видимому, речь идет о сотрудниках «Русского слова» В. А. Зайцеве и Д. И. Писареве, отрицавших значение Пушкина (см.: *РСЛ*. 1864. № 1; 1865. № 4; и др.).

⁴ Тургенев высоко ценил талант В. В. Верещагина (1842–1904) и способствовал организации двух его выставок в Париже (1879, 1881). Верещагин оставил воспоминания о писателе, в которых описал и его предсмертные мучения (см.: *Верещагин В. В. И. С. Тургенев. 1879–1883 // Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания*. СПб., 1883. С. 127–141). О знакомстве Тургенева с Верещагиным, а также статью Тургенева о художнике см.: *Зильберштейн И. С. Тургенев и художник В. Верещагин // ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 291–336.

⁵ В 1873 г. Суворин обратился к Толстому с просьбой прислать свою автобиографию для готовящегося «Русского календаря» и получил следующий ответ: «...от всей души бы желал исполнить ваше желание, но решительно не могу <...> решительно нет и не может быть никому никакого интереса в моей биографии» (*Толстой*. Т. 61. С. 272).

⁶ Речь идет о положившем начало всемирной славы Толстого первом французском переводе романа «Война и мир», выполненном кн. Ириной Ивановной Паскевич (урожд. Воронцовой-Дашковой; 1835–1919): Comte Léon Tolstoï. La guerre et la paix. Roman historique. Traduit, avec l'autorisation de l'auteur par une Russe. 3 vols. <Paris; Saint-Pétersbourg>, 1879. «Княгиня Паскевич», — писал Тургенев Толстому 28 декабря 1879 г. (9 января 1880 г.) из Парижа, — переведшая Вашу „Войну и мир“, доставила наконец сюда 500 экзempl. — из которых я получил 10. Я роздал их здешним влиятельным критикам (между прочими Тэну, Абу и др.). Должно надеяться, что они поймут всю силу и красоту Вашей эпопеи. Перевод несколько слабават — но сделан с усердием и любовью. Я на днях в 5-й и 6-й раз с новым наслаждением перечел это Ваше поистине великое произведение. Весь его склад далек от того, что французы любят и чего они ищут в книгах; но правда, в конце концов, берет свое. Я надеюсь если не на блестящую победу — то на прочное, хотя медленное, завоевание» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 197); см. также: *Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение*. Л., 1989. С. 304–306. По воспоминаниям Н. А. Островской, Тургенев рассказывал ей, что сам хотел перевести «Войну и мир» на французский язык, «но с пропусками всех рассуждений», на это Толстой отвечал, что «пропустить ничего не позволит». «Я хотел, — говорил Тургенев Островской, — по крайней мере собрать все рассуждения, разбросанные в романе, и поместить в конце книги с умозрениями о войне и пр., чтобы таким образом роман был сам по себе. Он и на это не согласился, и я от перевода отказался. Перевел кто-то другой и, вероятно, французы читать не станут» (цит. по: Там же. С. 301). О том, что это трехтомное издание, выпущенное фирмой Ашетт, не имело успеха у французских читателей, вспоминал Эдуард Род. Подробнее об этом см.: Там же. С. 303–304.

⁷ Имеется в виду *Соркин Иосиф Николаевич* (ум. 1886), один из представителей еврейской интеллигенции, активно выступавших против погромов в Юго-Западном крае. С Тургеневым познакомился, вероятно, в середине мая 1881 г. «Неу-

жели, высокоуважаемый Иван Сергеевич, — писал он 6 мая 1881 г., — в жизни 3-х миллионов русских евреев не найдете ни одной хорошей черты, кроме тех, которые служили Вам канвой к воспроизведению художественного, но глубоко оскорбительного для евреев рассказа „Жид“⁸?» (Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 199; в *Летописи* не отмечено). В ответ на письма Соркина, в которых он просил писателя выступить с публичным протестом против еврейских погромов, а также в продолжение их беседы, состоявшейся, вероятно, в середине мая, Тургенев писал 1 (13) июля: «Как беллетрист, я, весьма вероятно, воспроизведу этот вопрос в отдельном произведении; как публицист, я не имею никакого значения, и мое появление не только бы не принесло никакой пользы, но возбудило бы одно недоумение, пожалуй даже насмешку. Люди всех партий увидели бы в этом одно притязание, одно неуместное желание навязать свое имя <...>» (*ЛССцП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 100, 457–458). От публичных выступлений по этому вопросу Тургенев уклонился и в 1882 г., когда к нему поочередно обратились еврейский писатель Г. И. Богров и литератор Е. Я. Колбасин; писатель вновь мотивировал свой отказ теми же причинами. Так, в письме к Богрову от 14 (26) марта 1882 г. он писал: «Не знаю, известно ли Вам, что я в течение всей своей жизни не только не имел никаких предубеждений против Вашего племени, но, напротив, всегда питал и питаю живое сочувствие к евреям — и прежде имел и теперь имею близких друзей между ними. Очень был бы я рад публично высказать свое мнение о тех вопросах, которые по справедливости волнуют Вас; но как это сделать, не придавая себе авторитета, которого я в *публицистике не имею* и который, конечно, возбудил бы превратные толки?» (Там же. С. 219, 521; см. также: С. 268, 543). Уклоняясь от публичного выступления по поводу еврейских погромов, в частных письмах Тургенев не скрывал своего отношения к этой проблеме. После повести «Несчастливая» (1869), в которой был затронут еврейский вопрос, Тургенев в своих произведениях этой темы не касался. Согласно «Еврейской энциклопедии», с этой же просьбой Соркин обращался и к Л. Н. Толстому (см.: *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем* / Под ред. Л. Каценельсона. СПб., б. г. Т. 14. С. 487). После смерти Тургенева Соркин опубликовал статью «Взгляд Тургенева на еврейский вопрос и еврейские беспорядки» (*СПбВед*. 1883. 4 (16) сентября. № 237. С. 1–2).

⁸ Автором гневной статьи против публикации *СПбВед* был именно Суворин, расценивший «по поступок» Соркина как беспардонную выходку в отношении маститого писателя (см.: <Суворин А. С. ?> Маленький фельетон. Эксплоатация памяти Тургенева // *НВр*. 1883. 6 (18) сентября. № 2702. С. 3). Соркин, оскорбленный статьей Суворина, ответил (см.: *Соркин И. Н.* Письмо в редакцию // *СПбВед*. 1883. 10 (22) сентября. № 243. С. 2).

4

И. С. Тургенев

Смерть такого человека, как Тургенев, не может не вызвать продолжительных и самых оживленных толков и в обществе и в повременной

прессе... Но вот что странно. Толки эти почему-то вертятся все вокруг вопроса, кто был Тургенев, либерал, консерватор, национал, космополит et caetera. Как-то до крайности странно слышать это назойливое заявление: «он наш, он наш!» Чей наш? спросите вы. — «Наш, т. е. нашей партии, той партии, которая одна только обладает талисманом, указывающим заветный путь к счастью и благоденствию всего человечества». Слушая это, невольно подумаешь: к чему все эти толки о народности великих талантов, о их отзывчивости на все живые интересы и потребности всего народа, раз они являются лишь выразителями стремлений какой-нибудь партии? К чему же в таком случае кричать о великом значении Тургенева в истории русской литературы? К чему говорить, что он оставил глубокий след и во всей европейской литературе?

У нас, впрочем, и всегда было так. Сойдет со сцены какой-нибудь редкий и замечательный талант или просто видный деятель, и сейчас непременно найдется кучка людей, готовых выкрикивать на всевозможные лады: «Вот мы какие! Смотрите: он наш! Он проповедовал и защищал наши принципы!...». Результат таких выкрикиваний понятен: вместо серьезного и беспристрастного разбора значения деятельности сошедшей в могилу личности, начинаются споры и мелочная полемика по поводу тех или других частных воззрений ее и симпатий, и в глазах мало знакомой с делом и падкой на чужие мнения публики значение этой личности постепенно умалывается чуть не до степени самого заурядного фразера. Многие, например, даже и из так называемой интеллигентной публики так и остаются при убеждении, что Достоевский во всю вторую половину своей литературной деятельности являлся не более как представителем застоя, проповедником каких-то допотопных, монашеских идеалов, отзывающихся постным маслом и редькой. Точно так же и о Тургеневе у многих, на основании разных полемических выходов по поводу его смерти, очень легко может образоваться мнение, что он во всю свою 40-летнюю литературную деятельность только и делал, что старался проводить в массу разные либеральные принципы космополитического пошиба. Уже и теперь, еще над незакрытой могилой его, уже раздаются фразы, что он по своим воззрениям и стремлениям был космополитом чуть не самой чистейшей крови.¹ И это говорится о человеке, который всю жизнь, даже и в своем «прекрасном далеке», все помыслы устремлял к России, у которого нет почти ни одного сколько-нибудь значительного произведения, которого содержание не вводило бы целиком в круг прямо русских интересов! А между тем подобные фразы говорятся и, благодаря усердному пристегиванию

имени Тургенева к разным сомнительным направлениям и стремлениям, приобретают вес и значение.

Что Тургенев был один из тех, которые во сне и наяву видят и желают, чтобы наступила, наконец, та вожделенная минута, когда народы забудут свою вражду и с братским единодушием сольются в едином стремлении насадить на земле правду и справедливость,² в этом убедится, конечно, всякий, кто хоть немного заглянет в его произведения. Но ведь к тому же стремился, того же со всею страстностью своей души желал, например, и Достоевский, которого уж вряд ли кто может заподозрить в космополитизме. Всякий более или менее замечательный писатель с глубоким и развитым чувством и мыслью, тем более такие таланты, как Тургенев и Достоевский, непременно провидит конечную цель прогресса человечества в той или другой форме и становится ее проповедником и защитником. Но это несколько не мешает ему всецело принадлежать своей нации и отдавать ей все свои помыслы и труды: для него каждый шаг вперед его народа есть вместе с тем шаг вперед и всего человечества. О Тургеневе нельзя даже сказать, чтоб он был национален бессознательно, чтоб он не понимал ясно своей связи с родиной. Припомните, что он говорил в «Рудине»: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет. Без физиономии нет даже идеального лица; только пошлое лицо возможно без физиономии» (слова Лежнева).³ Эти слова служат лучшим ответом на все фразы о космополитических стремлениях и взглядах Тургенева.

Печатается по: *НВр*. 1883. 11 (23) сентября. № 2707. С. 1. Без подп.

¹ Суворин, отстаивая национальную принадлежность Тургенева России, упорно обвиняет именно П. Д. Боборыкина в навязывании писателю ярлыка космополита. См. № 1, примеч. 18. Однако не только Боборыкин использовал это определение в отношении писателя. Так, В. П. Мещерский указывал на то, что «у нас из литературной личности Тургенева сделали тотчас какого-то либерального фантоша», тем самым подменив его, и чествуют писателя не как замечательного художника, а как «либерального космополита, близкого к нашей эмиграции и к революционным кружкам Западной Европы» (Гражданин. 1883. № 39. 25 сентября. С. 8).

² Видоизмененная цитата из стихотворения Пушкина «Он между нами жил...» (1834), написанного на выход сборника стихов А. Мицкевича: «Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся».

³ См.: *ПССУП*(2). Соч. Т. 5. С. 305.

Письма к другу. XXXVIII

В парижской газете «Justice», вслед за смертью Тургенева, появилось письмо г. Петра Лаврова, в котором этот эмигрант свидетельствует, что Тургенев с 1874 г. присылал г. Лаврову по 500 франков в год, якобы на издание социально-революционного журнала «Вперед».¹ По причине весьма понятной русская печать молчала об этом письме: если не хватило такта у г. Петра Лаврова, то об этом такте не забывали мы. С какой целью оповестил г. Лавров об этой подачке, я не знаю, должно быть, по принципу, как по принципу не входил он в парижскую церковь во время отпевания тела Тургенева. Да, он не входил в церковь, объявив всем, что он церкви не признает и остается на паперти, являя собою непоколебимый пример гражданственной стойкости.² Кроме принципа, у г. Лаврова были, конечно, свои расчеты, о которых скажу ниже. Теперь же более важное обстоятельство: «Москов<ские> ведом<ости>» напечатали это письмо г. Лаврова, не сопроводив его ни одним словом от себя, но это молчание как бы говорит: «вот вам — не угодно ли полюбоваться».³

Со стороны г. Каткова это тем непонятнее, что в «Москов<овских> вед<омостях>» появилась добросовестная и талантливая оценка произведений Тургенева как художника, ничего больше, как «добросовестного» художника, который вовсе не служил партиям.⁴ Опубликуй это письмо кто-нибудь другой, нечего было бы и сказать, кроме того разве, что, мол, человек гоняется за скандалом. Но г. Катков за скандалом не гоняется, он даже готов преследовать скандал. Неужели г. Катков вспомнил «непримиримое движение» Тургенева во время пушкинского праздника, когда г. Катков обратился к нему с примирительным бокалом?⁵ Мне хотелось бы думать, что г. Катков выше личных счетов, в особенности, когда дело касается умершего писателя, почившего врага. Не думаю я также, что г. Катков хотел повредить опубликованием этого письма торжеству похорон. Письмо г. Лаврова появилось в «Московски<х> ведомост<ях>» уже после того, как разрешение на перевозку тела Тургенева было дано, хотя могло быть опубликовано и раньше; я не говорю уже о том, что письмо это, конечно, было известно правительству тотчас же, как оно явилось в газете «Justice», и нимало не помешало разрешить перевозку тела; уж дней десять тому назад, как письмо было не секретом в Петербурге: сужу по тому, что в редакции получались письма с вопросом: «Правда ли, что Тургенев давал деньги Лаврову на издание социально-революционного журнала и нельзя ли опровергнуть это нелепое известие».⁶

Но с какой же стати не верить г. Лаврову, когда и г. Катков ему пове-рил! Я удивляюсь только тому, что, опубликовав письмо, г. Катков не сопроводил его своим примечанием, которое так и просилось под перо, в особенности такого человека, как г. Катков, который очень хорошо знал Тургенева и очень же хорошо понимал г. Лаврова. Г-н Лавров мог рассчитывать, что, оповестив *благоддеяние*, оказанное ему Тургеневым, он тем самым произведет скандал и, вероятно, помешает правительству дать разрешение на перевозку тела Тургенева. Помилуйте, такой опас-ный человек, такая *гроза* России, как г. Лавров, и ему-то Тургенев давал деньги, да еще по «собственной инициативе», как г. Лавров утверждает. Сейчас же, разумеется, это поднимет в России власти, которые, конечно, немедленно сочтут, что Тургенев и Лавров — солидарны, что оба они космополиты-революционеры, стремящиеся к ниспровержению всего мира под развалинами революции. Известно, что г. Лавров в первом же нумере «Вперед» объявил, что он поднимает знамя «всесветной рево-люции».⁷ С ним шутить мудрено, с таким знаменщиком, который дер-жит одно знамя на весь мир...

Но г. Катков отлично знает *dessous des cartes*,^a он превосходно пони-мает революционные кулисы и иногда освещает их фейерверком своей пронизательности и остроумия очень бойко. Тургенев был человек замечательно добрый и замечательно слабого характера. Одного этого достаточно, чтоб объяснить благодеяние, оказанное им г. Лаврову. Но есть и другие объяснения для тех, кто хорошо знает нравственное и ма-териальное состояние нашей эмиграции; кто бывал за границей, тот едва ли избег необходимости давать эмигрантам, разумеется, большею час-тию взаймы, от 20 до 100 и более франков. Вы даете бедности и нужде, а вовсе не политическим убеждениям, вы повинуетесь сердцу и идее несчастья, которое так или иначе лежит на эмигранте. Надо же принять это в соображение, надо принять в соображение и прежнее знакомство Тургенева с Лавровым. Г-н Лавров был всегда наивным фразером и весьма неглубокого ума при всем его знании «философии». Из своих знаний он ровно ничего не сделал, из своего туманного таланта и по-давно: он так и остался туманным и сумбурным, каковым был на ро-дине. Его «Вперед» нечто вроде гегельянской философии, разведенной революционной пеной космополитизма. Но самолюбие у него огром-ное, самомнение китайца, который воображает, что он лучше всех, дос-тойнее всех. Ведь это замечательно, что у нас нет ни одного истинно да-

^a Зд.: закулисные сплетни (*франц.*).

ровитого эмигранта, исключая Герцена, который эмигрировал совсем при других условиях и постоянно желал переехать в Россию. Наши эмигранты — люди, которые болеют самомнением, а не талантом и умом, и это понятно, потому что истинный талант и истинный ум всегда находили себе дело в России и умели быть ей полезными. Истинный талант даже не может быть космополитом уж потому, что он тонко чувствует все фальшивое и глубоко проникает в родную жизнь, и когда боборыкующий либерализм провозгласил Тургенева космополитом, когда он стал уверять, что Тургенева потому и признает Европа, что он был космополит,⁸ замечательные критики этой самой Европы доказали, что Тургенев остался русским и патриотом в своих произведениях.⁹ Таким образом Европа научила боборыкующих либералов уму-разуму. Г-н Лавров именно из числа людей, которые о себе очень высокого мнения, но которые очень небольшого таланта. То, чего не воображал о себе Карл Маркс, оставивший капитальный ученый труд, то воображал о себе г. Лавров, несмотря на то, что деятельность его должна была бы убедить его, что он такой же плохой полковник, как и плохой писатель.¹⁰ Стоит прочесть его «Историю парижской коммуны», самый капитальный его труд (около 10 печатных листов), чтобы убедиться, как он невысоко летает и как он наивен в своих суждениях о событиях коммуны и разделе талантов и гениальности коммунарам.¹¹ Находясь в Европе, пользуясь полной свободой речи, по-видимому он мог бы чем-нибудь себя заявить. Но Европа и разоблачает бесталанность и самомнение. Герцен и во Франции и в Лондоне оставался талантом, как оставался талантом во Франции Гейне, как оставался им Карл Маркс в эмиграции. Г-н Лавров и в России и за границей остался тем же полковником, которого никто и нигде в генералы не производил и который и в полковники попал ошибкою. Теперь представьте себе, что этот человек постоянно нуждается и что о нужде этого человека постоянно говорят. Представьте себе также деликатного человека, который желает помочь деликатно, желает подать милостыню в благообразной форме. Вот вам Тургенев и Лавров. Тургенев дает бедному эмигранту под видом пособия его журналу и продолжает подавать и тогда, когда этот журнал прекратился, а г. Лавров принимает эту пенсию, уже не издавая журнала и утешая себя тем, что это — «на революционное дело». Умер Тургенев — г. Лавров сейчас и объявил, нимало не сомневаясь в том, что он получал не милостыню от знаменитого писателя, не пенсию на бедность, а сочувствие его революционной деятельности в форме франков. Г-жа Адан, издательница «La Nouvelle Revue», заявила, что Тургенев *способствовал* основанию ее журнала и одобрял первые его шаги.¹² «Вперед» и

«La Nouvelle Revue», где являлись сочувственные статьи о России и где всякая революционная деятельность порицается!.. Я имею полное основание желать, чтоб г. Лавров дожил до того времени, когда переписка Тургенева будет обнародована и когда г. Лавров убедится основательно, как на него и его деятельность смотрел Тургенев. Года три тому назад, т. е. гораздо позже начала субсидии г. Лаврову, Тургенев передал в «Temps» воспоминания одного русского эмигранта, который описывал свое заключение в тюрьме:¹³ Тургеневу оно понравилось по талантливости изложения. «Московские ведомости» прочитали ему тогда, по своему обыкновению, сильную нотацию, на которую Тургенев решился отвечать, и вот что он напечатал:

«Я всегда был и до сих пор остался „постепеновцем“, либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только свыше, — принципиальным противником революций, — не говоря уже о безобразиях последнего времени»...¹⁴

Разумеется, человек с сильным характером при таких убеждениях, помогая г. Лаврову, отнял бы у него в то же время всякую возможность эксплуатировать его имя и его *благодетельство* в пользу своей партии, но Тургенев был меньше всего характер. Среди «безобразий времени» — пользуясь его выражением — он терялся довольно часто, как теряется большинство русских людей, не наделенные ни жизнью, ни воспитанием тем, что так часто встречается на Западе, именно характером. Сам г. Катков совсем не характер и ничего бы не стоило доказать это положение, если б на то пошло дело. Самая сумма помощи так ничтожна, что только самомнение г. Лаврова могло объяснить ее так, как он объяснил. Для такого богатого человека, как Тургенев, 500 франков в год было то же, что для большинства 5 франков. Вот если б г. Лавров мог сказать, что Тургенев давал ему ежегодно по 10 000 франков или что он отказал ему свои сочинения, как отказал их г-же Виардо,^{*}¹⁵ тогда дело другого рода. Но 500 франков... Это милостыня и ничего более...

Сегодня мне передали одно частное письмо, письмо человека, близкого к Тургеневу. Оно подтверждает то, что сказано о г-же Виардо в «Неделе» (см. «Среди газет» вчерашний номер).¹⁶ Вот несколько строк из этого письма: «Сердце радуется, читая, как его (Тургенева) хотят

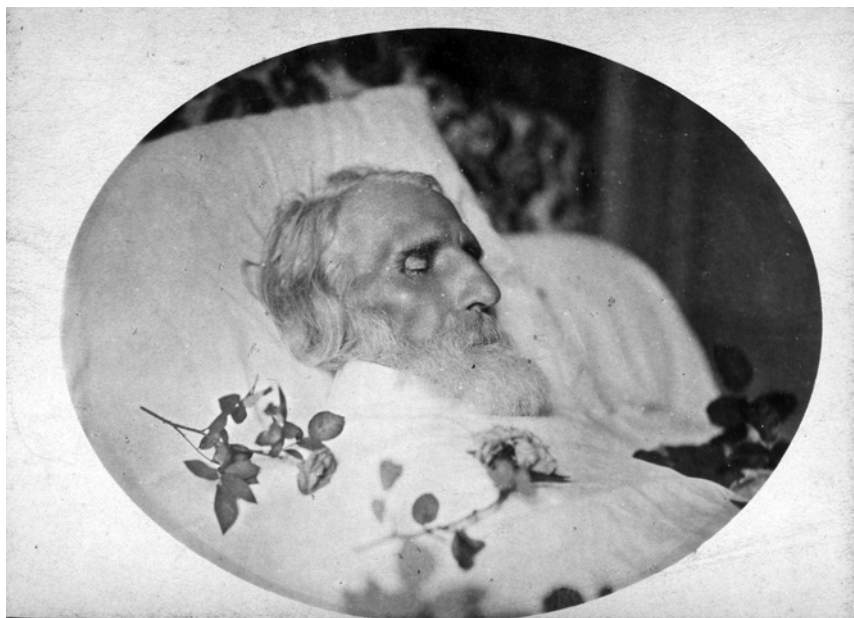
* Тургенев действительно г-же Виардо отказал свои сочинения, т. е. она получает с г. Глазунова как 22 тысячи, за которые Тургенев продал печатающиеся теперь собрания сочинений Тургенева, так и те 50 тысяч, за которые г. Глазунов приобрел право собственности на все дальнейшие издания их в течение 50 лет. — *Примеч. Суворина.*

встретить на родине. А здесь оно обливалось кровью, видя полное пренебрежение madame Виардо и ее семьи к телу великого человека. Умер он в 12 ½ часов пополудни 3-го сентября (22-го августа) во вторник. Повестили только консула, а вечером священника; благодаря тому, что племянник-скульптор жил тоже в Буживале, сняты рука, и маска, и фотография. В среду утром на рысях, в карете, для сего устроенной, доставили его в церковный подвал... Приехав случайно из..., я прямо побежал к священнику и спрашиваю, как и что? „Да ничего, — говорит, — привезли и сдали мне три человека молодые, а потом — ну, были вы да еще человека три, а более ничего не знаю; объявлений никаких не будет особых, а в газетах уже говорят, что погребение в пятницу“. — Да кто же тут распоряжается? — „Зять Виардо, Шамеро, а из русских — никого; знаю, что заказали погребение 3-го разряда и все тут. Приходите завтра, будет служить панихиду князь Орлов, и тогда все узнаете“. Наутро, конечно, я пришел и узнал, что точно похороны будут в пятницу, что и было. А Харламов* раскатился туда (в Буживаль) с холстом и красками ранешенько в среду,** но привратник виллы говорит ему: „Тю-тю ваш Тургенев“ — да и только. Конечно, мы все русские в негодование пришли, да ничего тут не поделаешь»...¹⁷ Должен пропустить несколько характерных строк о близких Тургеневу людях в Париже...

Хороши тоже французы. Общество русских художников положило на гроб Тургенева венок с надписью «Великому художнику-писателю от русских художников в Париже». Надпись была на черной ленте. Французская пресса присвоила этот венок себе, и во всех газетах было напечатано, что-де от французских художников положен венок с такою-де надписью: приводится надпись, где вместо русских художников стоят французские художники.¹⁸ Русские художники в Париже открыли подписку на серебряный венок изящной работы от русских его почитателей в Париже. Художники хотят, чтоб венок этот был возложен на гроб Тургенева в России, но так как у нас даже кресты с могил воруют, а не то что серебряные венки, то художники хотят отдать его в Публичную библиотеку на хранение.¹⁹ Кроме того, художники затевают иллюстрированное издание его портретов всех возрастов, с его деревянным домом, буживальской дачей, с городским домом, с его любимой мебелью и проч.²⁰ С Тургенева снята очень хорошая фотография, с мертвого;²¹ с этой фотографии Крамской будет делать офорт, который предполагается пустить по дешевой цене. Какой-то француз сделал офорт очень

* Наш известный портретист. — Примеч. Суворина.

** Тургенев умер во вторник после полудня. — Примеч. Суворина.

Тургенев на смертном одре. Фотография Мореля.
Буживаль, 3 сентября 1883 г. Из собрания А. Ф. Онегина (*ИРЛИ*)

плохой и желает его распространять в России.²² Меня просят предупредить об этом.

Незнакомец.

Павловск, 10-го сентября.

Мы получили следующее письмо, подтверждающее сказанное выше в письме г. Незнакомца:

«П. Лавров в 1874 году, вследствие образовавшегося раскола среди русских революционеров и его личной ссоры с эмигрантом Смирновым,²³ должен был не только перенести в другое место свое издание, но и лишиться всякого участия в русско-швейцарском фонде, типографии и т. д. Он очутился буквально на улице, без каких-либо средств к жизни, больной и разбитый нравственно предыдущей борьбой с образовавшейся тогда партией анархистов, имевшей во главе Ткачева и Турского.²⁴ Вместе с Лавровым лишились средств к существованию и те 5–6 молодых людей, которым судьба затворила двери родины и которые по убеждениям остались верны теоретической проповеди социализма, исключаяющей всякое насилие и преступление. Жизнь русского

эмигранта за границей нигде не описана с ее, так сказать, трагической стороны. Нет слов, чтобы выразить это смешение холода и голода с ужасом сознания своего одиночества среди чужого народа, чужого языка и чужих интересов и, можно смело сказать, что не было ни одного русского, долго зажившегося в Швейцарии, Париже или Лондоне, которому бы не пришлось протянуть милостыню этим несчастным. Большинство их только имеют кличку революционного эмигранта, но уже давно отдали всю свою душу позднему раскаянию и борьбе за кусок черствого хлеба.

Тургенев знал Лаврова давно, и естественно, что последний обратился к И. С. за помощью в столь критическую для него минуту, естественно, что он просил не столько за себя, сколько за тех несчастных, которые шли за ним. В первое время ни сам Лавров, ни его сотрудники даже не мечтали о продолжении издания «Вперед» и потому, когда Тургенев обязался давать Лаврову по 500 фр<анков> в год, он даже не мог определить эти деньги на поддержку революционного органа, он просто давал субсидию голодающим. Великий художник не был в силах забыть, что и самый заблуждающийся есть все-таки человек... Вот как это было в действительности, и глупо предполагать, что оно было иначе: 200 рублей в год никто, никогда и нигде не назовет без намеренной лжи поддержкой еженедельного журнала.

У газеты „Justice“, издаваемой одним из храбрейших софистов Франции — Клемансо,²⁵ и у Лаврова, которого крутые обстоятельства преследуют и поныне, была цель для лжи: приплетение к своему делу всемирно знаменитого имени всегда и везде желанная мечта.

Н. Н—в.».²⁶

Печатается по: *НВр*. 1883. 13 (25) сентября. № 2709. С. 1–2.

¹ Письмо П. Л. Лаврова, адресованное редактору газеты Ж.-Б. Клемансо, опубликовано: *La Justice*. 1883. 9 Septembre. № 1333. Р. 3.

² «Отпевание Тургенева, к сожалению, не обошлось без глупой демонстрации, — писал один из очевидцев, — в которой мне искренно жаль священника Васильева. Представьте: священник только что водворил гроб на катафалк среди церкви и пошел в алтарь, чтобы начинать обедню, как Лавров и К° большую толпою вошли в церковь и положили сзади гроба, то есть лицом к входу церкви, венки с надписью по-французски: „Réfugiés russes“ <<От русских изгнанников> — франц.>, а затем водворились на самых видных местах церкви <...>. Приехал посол князь Орлов в ленте, приехали Лорис-Меликов, разные штатские генералы и проч. и всем им приходилось при поклонении покойнику прямо склоняться на оппозиционный

венок» (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 330). Приведенное свидетельство М. И. Венюкова несколько отличается от других, в которых Лавров и сопровождавшие его эмигранты после возложения венка у гроба Тургенева демонстративно покинули церковь. См., к примеру, воспоминания В. Рольстона: «Во время богослужения небольшая группа эмигрантов ждала у входа в церковь <...>» (*НВр*. 1883. 7 (19) сентября. № 2703. С. 1).

³ Об этом эпизоде см. во вступит. статье.

⁴ Речь идет о статье: *W*. <*Катков М. Н.?*> Петербургские письма. LXIV // *МВед*. 1883. 6 сентября. № 247. С. 3. См. о ней во вступит. статье.

⁵ 6 (18) июня 1880 г. на обеде, устроенном Городской думой в зале Благородного собрания, Тургенев сидел за столом напротив Каткова, который «позволил себе протянуть бокал в его направлении, но при всем своем добродушии Иван Сергеевич уклонился от этой дерзкой попытки возобновить старые отношения». «Ведь есть вещи, которых нельзя забыть, — доказывал он в тот же вечер Достоевскому; — как же я могу протянуть руку человеку, которого я считаю ренегатом?..» (*Ковалевский М. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *Минувшие годы*. 1908. № 8. С. 13; ср.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 141). Об этом эпизоде см. также во вступит. статье.

⁶ Вероятно, многие русские издатели получили копию письма Лаврова из газеты «Justice» до его публикации у Каткова. См. во вступит. статье.

⁷ В предисловии к статье Лаврова «Вперед! Наша программа», открывавшей № 1 «непериодического» издания «Вперед!» (1873. 1 (13) августа), говорилось: «Вдали от родины мы ставим наше знамя социального переворота для России, для целого мира». Далее Лавров утверждал, что программа журнала строится на признании «борьбы реального мирозерцания против мирозерцания богословского», «борьбы труда против праздного пользования благами жизни», «борьбы рабочего против классов, его эксплуатирующих, борьбы свободной ассоциации против обязательной государственности, короче говоря — борьбы за реализацию справедливейшего строя общества» (*Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934. Т. 2. С. 22–25).

⁸ Речь идет о П. Д. Боборыкине. См. примеч. 18 к № 1.

⁹ Любовь Тургенева к России отмечали многие иностранные критики, близко знавшие писателя, среди них: Э. Абу, Э. Ренан, Г. Брандес, Ю. Шмидт и др., очерки и надгробные речи которых публиковались в «Новом времени» и других изданиях (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 688–698).

¹⁰ Окончив Петербургское артиллерийское училище, П. Л. Лавров (1823–1900) в дальнейшем занялся преподавательской деятельностью, в 1858 г. он стал профессором математики и получил чин полковника (см.: *Русские писатели*. Т. 3. С. 263–268).

¹¹ Лавров был членом I Интернационала и участником Парижской коммуны. Речь идет о его книге «Парижская коммуна. 18 марта 1871 г.», изданной анонимно (Женева: тип. «Работника» и «Громады», 1880. 232 с.). Впервые в виде статьи под названием «Парижская коммуна 1871 г.» опубликовано в газете «Вперед!» (1875. 3 (15) марта. № 5. С. 129–134).

¹² *Адан* (Adam) *Жюльетт* (урожд. Ламбер; 1836–1936) — французская писательница и издательница; с октября 1879 г. издавала журнал «La Nouvelle Revue Française», где публиковала статьи по вопросам русской культуры и искусства; корреспондентка и знакомая Тургенева. В этом журнале были опубликованы очерк Тургенева «Человек в серых очках» (во французском переводе названный «Месье

Франсуа»), а также повести «Песнь торжествующей любви» и «Клара Милич» (во французском переводе получившая заглавие «После смерти»). Подробнее об их взаимоотношениях см.: *Звигильский А.* Три французских издателя Тургенева (по неизданной переписке) / Пер. Н. Генераловой // Звигильский А. Иван Тургенев и Франция / Сб. ст. Пер. с франц. М., 2008. С. 260–263. Источник высказывания Ж. Адан, цитируемого Сувориным, неизвестен.

¹³ Речь идет об очерке И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»), опубликованном во французской газете «Le Temps» в ноябре 1879 г. (в пер. А. Н. Луканиной), с предисловием и послесловием Тургенева (см.: *Waddington P.* Turgenev and Pavlovsky: A Friendship and Correspondence. Pinehaven, NZ, 1998). В письме к Я. П. Полонскому от 10 (22) ноября 1879 г. сам Тургенев охарактеризовал очерк Павловского как «весьма наивный и трогательный рассказ о содержании в тюрьме заключенного *безо всяких политических намеков и упреков*». Выразив недоумение по поводу того, что его предисловие могло, по мнению Полонского, вызвать недовольство в правительственных сферах, писатель заметил: «...в моем коротеньком предисловии я прямо говорю, что, насколько не одобряя и не разделяя мнений гг. нигилистов и революционеров, полагаю, что рассказ этот может служить доказательством неуместности предварительного одиночного заключения <...>» (*ПССуП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 173). Тем не менее предисловие Тургенева, перепечатанное «Московскими ведомостями» в русском переводе, вызвало широкий общественный резонанс и весьма резкие отклики в ряде периодических изданий (см.: *ПССуП(2). Соч.* Т. 11. С. 599–601).

¹⁴ Под сильной «нотацией» Тургеневу от «Московских ведомостей» Суворин имеет в виду фельетон Б. М. Маркевича («Иногородного обывателя») «С берегов Невы», в котором говорилось, что Тургенев перед «каждым лохматым шалопаем» «считает долгом своим кувыркаться» (*МВед.* 1879. 9 декабря. № 313. С. 5). В ответе «Иногородному обывателю», опубликованном впервые в «Молве» (1879. 29 декабря. № 379) в форме письма к редактору «Вестника Европы», Тургенев писал: «Если бы г. „Иногородный обыватель“ ограничился одними посильными оскорблениями, я бы не обратил на них внимания <...> но он позволяет себе заподозреть мои убеждения, мой образ мыслей <...>» (*ПССуП(1). Соч.* Т. 15. С. 184–185). После смерти Тургенева Стасюлевич привел фрагмент из этого открытого письма в своей статье «По поводу письма г. Лаврова в „Моск. ведом.“» (см.: *Новости и Биржевая газета.* 1883. 14 (26) сентября. № 244. С. 1).

¹⁵ О завещаниях Тургенева см. публикацию Суворина от 20 сентября (2 октября). № 2716. С. 3, воспроизведенную далее (№ 9).

¹⁶ «Сколько мне ни приходилось слышать отзывов о положении Тургенева в семье Виардо, — писал корреспондент «Недели», — все они сходились на том, что его „эксплоатируют“, злоупотребляют его мягкостью и привязанностью, держат его „в загоне“ и вообще смотрят на него, как на человека „постороннего“, хотя в то же время стараются по возможности отстранять от него русских» (<*Онегин (Отто) А. Ф.?*> Из жизни Тургенева // *Неделя.* 1883. 11 сентября. № 37. Стлб. 1235–1236). Это мнение опровергается другими свидетельствами (см., например, воспоминания Боголюбова: *ЛН.* Т. 76. С. 464).

¹⁷ Речь идет о письме А. П. Боголюбова из Парижа от 30 августа (11 сентября) 1883 г. к И. Н. Крамскому, которое последний, по его просьбе, показал Суворину.

Суворин воспроизвел процитированный им фрагмент письма Боголюбова практически без изменений, более полный текст письма см.: *ЛН*. Т. 76. С. 470–471.

¹⁸ В упоминавшемся выше письме к Крамскому Боголюбов сообщал: «Положили мы ему на гроб от Общества нашего венок с надписью: „Великому художнику-писателю от Общества русских художников в Париже“. И эту надпись на черной ленте присвоила пресса проклятая французам, напечатав везде: от французских художников-де был венок с нашей надписью. Ну, что станете делать — плутня везде. Помогите хоть вы: вам Суворин поверит, коли его попросите сделать опровержение, ей-ей, не лгу и не хвастаюсь» (Там же).

¹⁹ Хлопоты по передаче серебряного венка после похорон в Публичную библиотеку взял на себя, по просьбе Боголюбова, В. В. Стасов, и уже 18 (30) сентября 1883 г. Боголюбов писал Стасюлевичу: «...венок наш уже принят в Публичную библиотеку на вечное хранение <...>» (см.: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 278). В настоящее время этот серебряный веночек находится в Литературном музее ИРЛИ (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. Вып. 4: И. С. Тургенев. М.: Л., 1958. С. 115–116).

²⁰ Нет никаких сведений о том, состоялось ли это иллюстрированное издание.

²¹ Речь идет о парижском фотографере Мореле, 22 августа (3 сентября) 1883 г. сделавшем в Буживале с умершего Тургенева два фотографических снимка (в профиль и в анфас). «В 5-м часу, — по словам А. А. Мещерского, — приехал фотограф Морель и снял портреты, которые удались прекрасно» (*Рич <Багницкий Д. Р.> Предсмертные часы И. С. Тургенева*. Париж, 10-го сентября // *НВр*. 1883. 3 (15) сентября. № 2699. С. 1). Стасюлевич писал жене 2 (14) сентября 1883 г., что получил от П. Виардо «фотографию Тургенева, как он лежал в постели и каким я видел его на второй день». С привезенных в Россию фотографий Стасюлевич заказал С. Л. Левицкому увеличенные переснимки, которые, по его словам, были сделаны «превосходно» (*Стасюлевич*. Т. 3. С. 230, 232–233; см. также: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. С. 112–113). Снимки Левицкого поступили в продажу, однако «публика более чем равнодушно» отнеслась к ним, «тогда как спрос на снятые при жизни был громадный», — писал Левицкий Стасюлевичу после похорон (см.: *Стасюлевич*. Т. 3. С. 275).

²² В цитировавшемся выше письме к Крамскому Боголюбов предложил ему сделать офорт с фотографии умершего писателя, принадлежавшей П. Виардо, «для дешевой раздачи всей учащейся молодежи, у которой богатств нет». «...Вы, — замечал он, — с вашей способностью делать подобного рода воспроизведения как никто по сходству, можете принести громадную услугу юношеству, да и всем, кто знал покойного». Крамской согласился, однако намерение это, вероятно, не было осуществлено, так как в продаже были несколько вариантов офорта работы В. А. Боброва, сделанных в 1883 г. с фотографии К. Реша (1880), и его же траурная гравированная композиция «Живите и любите людей, как я их всегда любил» (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 470–471, 482; коммент. Н. В. Огаревой; Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. С. 94–95).

²³ *Смирнов Валериан Николаевич* (1848–1900), нечаевец, в 1871 г. эмигрировал в Цюрих, где принял участие в организации Славянской секции Интернационала, активно участвовал в издававшихся Лавровым журнале и сборнике «Вперед!» (см.: Деятели революционного движения в России. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1527–1529).

²⁴ *Ткачев Петр Никитич* (1844–1885/1886), нечаевец, в декабре 1873 г. эмигрировал в Швейцарию, где работал в лавровском журнале «Вперед!». В апреле 1874 г. выпустил брошюру «Задачи революционной пропаганды в России», направленную против Лаврова и его сторонников. Не сойдясь во взглядах ни с Лавровым, ни с Бакуниным, сблизился с группой «русских якобинцев» (К. Турский и др.); вместе с Турским издавал в Женеве журнал «Набат» (см.: Там же. Стб. 1713–1717).

Турский Каспар-Михаил (1847–1926), эмигрант, жил в Цюрихе, Париже, сражался в рядах армии Гарибальди, принимал участие в Парижской коммуне. Был противником Бакунина и близким человеком к Нечаеву. Вместе с П. Н. Ткачевым принимал участие в издании журнала «Набат» (см.: Там же. Стб. 1766–1768).

²⁵ *Клемансо Жорж-Бенжамен* (1841–1929), политический и государственный деятель, лидер социалист-радикалов; редактировал основанную им в 1880 г. газету «La Justice». По воспоминаниям эмигранта Э. А. Серебрякова, «из французских радикалов более всего почитал Лаврова всесильной тогда глава оппозиции, „разрушитель министерств“ Жорж Клемансо. Достаточно было простой записки от П. Л., чтобы Клемансо сделал все, что мог, для подателя этой записки. И не раз такие записки спасали русскую эмиграцию от козней русской и французской полиции» (*Серебряков Э. А. П. Л. Лавров (По личным воспоминаниям) // П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пб., 1922. С. 468.*)

²⁶ Кто был автором данного письма, установить не удалось. В. П. Гаевский, прочитав его в публикации Суворина, записал в своем дневнике 12 и 13 сентября: «Если это справедливо, то объясняется более всего желанием помочь лично Лаврову <...>. Такое же предположение высказано сегодня в „Новом времени“ Сувориным и Н. Н.—вым. Последний (недоумеваю, кто?) близко знаком с положением русских эмигрантов и обстоятельствами перенесения издания из Цюриха в Лондон» (Из дневника В. П. Гаевского (1883–1887 гг.) / Публ. Г. Никольской // Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 230–231).

6

И. С. Тургенев

Незадолго пред кончиной Тургенев высказал одному издателю, что письма его не могут иметь того интереса для потомства, какой некогда возбуждали письма Шиллера и Гёте, и что он далек от мысли сравнивать себя с этими гениями.¹ Поэтому он заботился, чтоб ни одно из его писем не сохранилось.² Но, очевидно, такое заявление нельзя понимать буквально. В «Allgemeine Zeitung» появилось письмо, полученное одним немецким критиком от И. С. Письмо это служит ответом на опечатанную статью, которую немецкий автор прислал Тургеневу в Париж. Это — этюд о сочинениях Ив. С. К этюду приложено было письмо, в котором автор выражал сожаление в том, что он не знает русского языка. Тургенев ответил по-немецки следующее: «50, rue de Douai, Париж. Среда, 16-го апреля 79 г. Милостивый государь, получил ваше весьма лестное

письмо с двумя номерами газеты и прочел ваше „Portraitstudie“. Очень благодарен за честь, оказанную мне; и я должен сказать, что многое в вашем этюде мне кажется вполне справедливым и глубоко обдуманым. Вы сами лучше меня понимаете, что писатель не облакает в образы никаких предвзятых идей; все вырастает из души его, почти полусознательно. Иной критик указал бы, может быть с той же основательностью на другие мотивы моего творчества. Если бы мне понадобилось определить истинную основу своей деятельности, я бы сказал так: „Я писал потому, что меня угнетала потребность писать“. Свой народ, человеческая жизнь, человеческая физиономия — вот определенные данные; писатель делает из них, что может... и что он иначе не в состоянии сделать. Это — весьма неопределенная теория; для меня же она — единственная. Во всяком случае, я должен просить вас принять мою искреннюю благодарность за вашу неподдельную симпатию. Считаю великим счастьем своей жизни, что я ближе придвинул свое отечество к европейской публике. Примите и проч.».³

Печатается по: *НВр*. 1883. 13 (25) сентября. № 2709. С. 2. Без подп.

¹ Суворин приводит слова Тургенева по воспоминаниям А. Ф. Маркса, опубликованным незадолго до смерти писателя в «Ниве». См. вступит. статью.

² Вскоре после смерти Тургенева, 2 (14) сентября 1883 г., на заседании Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым было принято решение издать письма писателя, адресованные различным литераторам. Редактирование было поручено В. П. Гаевскому, а вырученные от продажи средства должны были составить фонд, из которого впоследствии оказывалась бы помощь нуждавшимся. В 1884 г. в Петербурге было издано «Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840–1883» (на титуле: 1885), в которое вошло 488 писем писателя к 55 корреспондентам. Предоставил имевшиеся у него письма и Суворин (подробнее об этом см. Приложение к публ.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу. С. 348–351).

³ Суворин приводит текст письма Тургенева от 4 (16) апреля 1879 г. к немецкому критику Морицу Нехелесу (см.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 59). Впервые на немецком языке оно было опубликовано: *Allgemeine Zeitung*. 1883. 20. September. № 262. Адресат установлен С. А. Рейсером (см.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 385). Статья Нехелеса «Ivan Turgenjew. Eine Portraitstudie» появилась в газете «Literaturblatt» в 1879 г.

7

И. С. Тургенев

Г-н Незнакомец очень верно угадал причину выходки г. Петра Лаврова (см. № 2709), указав на желание его помешать перенесению тела

Тургенева в Петербург и произвести вообще некоторую смуту в умах. Но мы не предполагали, что наглость г. Лаврова простиралась до того, что он преспокойно объяснял этот повод, как это видно из письма г. Стасюлевича, напечатанного сегодня в «Новостях». Припомнив, что Тургенев умер 22-го августа, а письмо г. Лаврова в «Justice» появилось 26-го августа,¹ г. Стасюлевич говорит:

«Появление оригинала в печати произвело особенно удручающее впечатление на домашних покойного — и это вполне понятно: им был хорошо известен, можно сказать, каждый шаг Тургенева в Париже, все его отношения; при известной искренности и словоохотливости добрейшего Ивана Сергеевича, мог ли он в течение нескольких лет сохранять что-нибудь втайне от них; да он не дождался бы вечера того же дня и рассказал бы все — говорили мне после многие из членов семейства Виардо. Ну, пусть Тургенева, — сказали мне тут же, — обвиняют в том, что он будто бы вносил в кассу редакции социалистского и революционного журнала г. Лаврова деньги — это дело совести тех, которые так утверждают; но сказать при этом, что Т<ургенев> это делал по собственной инициативе, т. е. сам просил г. Лаврова принять деньги, — подобное утверждение даже неправдоподобно: при мягкости характера покойного, он никогда не мог похвалиться именно инициативой, которой ему всегда недоставало, — а вдруг у него именно тут-то и явилась инициатива!

Семейство Виардо, под влиянием глубокого огорчения, решилось, было, сначала немедленно протестовать; но ему отсоветовали это, указывая на голословность первого обвинения, которое обещает, что противная сторона не стеснится ничем в дальнейшей полемике с ними, а также и на то, что имя Тургенева находится под защитой всеобщей любви к нему как к писателю и как к человеку. Но, тем не менее, Виардо настаивали на своем и успокоились только тогда, когда один из русских, незнакомый лично с г. Лавровым, взял на себя труд объясниться с ним предварительно. Все дальнейшее я слышал от этого самого лица, беседовавшего с г. Лавровым.² Нельзя, конечно, было поставить г. Лаврова в невозможное положение, а именно требовать от него полнейшего опровержения всего письма, а потому ему предложили согласиться, по крайней мере, на напечатание возражения ему, которое выяснило бы сущность дела, с обязательством для него — не продолжать полемики. Г-н Лавров не согласился и на такое предложение, объяснив при этом, что *напечатанное им письмо было именно искусным „маневром“, рассчитанным на действие этого письма в России; что он не может пропустить такого случая, как смерть Тургенева; по его соображениям,*

вследствие этого письма должны последовать распоряжения, которые глубоко огорчат все образованное общество и в России, и в Европе, а именно это-то и желательно, с его точки зрения; наконец, в своем положении он не считает возможным стесняться в выборе средств, и т. д.»³

Нам странно, что к явной лжи г. Лаврова адресовались так мягко гг. парламентарии со стороны г-жи Виардо: его-де нельзя было «поставить в невозможное положение», ему-де «предложили согласиться», по крайней мере, на напечатание возражения ему, с обязательством для него не продолжать полемики». Что за деликатесы такие, что за галантерейное обращение с лжецом и нахалом. «Пожалуйста, будьте милы, позвольте вам возразить», — говорят парламентарии. — «Не позволяю», — возражает г. Лавров, и г. Стасюлевич как бы оправдывает такое деликатное обращение с г. Лавровым и обращает свой гнев на г. Каткова. «Еще в Париже, — говорит он, — беседа с лицом, сообщившим мне вышеприведенное, я заметил ему шутя: при случае спросите г. Лаврова, сколько он получил с г. Каткова за составление и напечатание его письма?»⁴ Эта шутка г-на Стасюлевича, вовсе не остроумная, кстати сказать, показывает однако, что г. Стасюлевич убежден, что г. Лаврова всякий может купить, что г. Лавров просто *продажный человек*, как бывают продажные женщины, и с таким-то человеком эдакие деликатесы во вкусе банкирской аристократии... Знаем, мол, что он лжет, но что ж делать, коли он не позволяет нам доказать ему, что он лжец. В фельетоне мы печатаем письмо Я. П. Полонского, который знал душу Тургенева и был связан с ним узами теснейшей дружбы: он гораздо проще и доказательнее говорит в пользу Тургенева, чем г. Стасюлевич. Заканчиваем этот «случай», от которого г. Лаврову не поздоровится, следующим письмом, которое получили мы от лица, близко знавшего г. Лаврова как эмигранта и часто посещавшего Тургенева в Париже. Вот это письмо:

«Прошу у вас позволения ко вчерашнему письму г. Незнакомца прибавить несколько слов по поводу неопрятной сплетни г. Лаврова и жалких притязаний на имя покойного И. С. Тургенева в качестве денежного „сочувственника“. Это очень дрянная, но вовсе не удивительная ложь со стороны человека, не пренебрегавшего *ничьим пособием* и не стеснявшегося *никакими сделками* с людьми, самых враждебных г. Лаврову направлений. Именно личную помощь г. Лавров перевел на „партию“ и, разумеется, солгал: смотрите, мол, вот какой человек нам сочувствует. Я знаю, что из „партии“ г. Лаврова немногие стеснялись являться за помощью к И. С. Тургеневу, точно так же, как нередко являлись даже к лицам официальным, с которыми у них, без сомнения, не было ничего

общего. И. С. помогал каждому русскому, не справляясь о политических взглядах. Таким образом, каждый, получивший от И. С. помощь, может притягивать его безответный прах к политической солидарности с революционерами. Г. Лавров не постыдился той мягкой рыцарской иронии, с какою И. С. всегда относился к нему лично, к его „делу“ и его „партии“. Мне не однажды приходилось слышать мнения И. С. о политических *предпринимательствах* г. Лаврова, — мнения не раздражительные, полные гуманной снисходительности, но тем более нелестные, что высказывались они в блестящей форме, спокойно, не без оттенка презрительной горечи. И. С. был не из тех людей, которые боятся своих мнений и говорят их за углом, украдкой, да и как бы Ив. Серг. мог относиться серьезно к г. Лаврову, когда г. Лавров сам глумился и над своим „делом“, и над своей „партией“ в присутствии И. С. Однажды г. Лавров посетил И. С. при мне. И. С. нас не познакомил, был заметно встревожен и, когда г. Лавров, заняв сто франков, ушел, И. С. много смеялся, говоря: „Когда еще Бог приведет быть мне между такими врагами?“».⁵

Здесь, быть может, будет кстати сказать, ввиду ничтожной помощи г. Лаврову (500 фр<анков>), насколько богат был Тургенев. У нас есть в руках выписка из отчетов по его имени, селу Спасскому. Из этой выписки видно, что Тургенев получил доходов из имения с 1-го июля 1876 года по 1-е августа 1882 г., то есть в течение шести лет, 199 386 рублей, значит по 33 230 в год. Валовой же приход имения за этот период времени равнялся 278 524 р. Предоставляется решить читателю, что значило Тургеневу при 33 230 р. ежегодного дохода, не считая литературного заработка, бросить г. Лаврову 200 р. Да если б у Тургенева было малейшее, самое микроскопическое сочувствие к *предпринимательствам* г. Лаврова, неужели он ограничился бы такою подачкою...⁶

Печатается по: *НВр.* 1883. 15 (27) сентября. № 2711. С. 1–2. Без подп.

¹ Письмо Лаврова в «Justice» было опубликовано не 26, а 28 августа (9 сентября).

² Речь идет об А. А. Мещерском. Г. А. Лопатин, по просьбе Лаврова вставший публично на его защиту, писал 9 октября н. ст. 1883 г. издателю «Daily News»: «Многие друзья Тургенева горячо упрекали Лаврова за то, что он воспользовался его смертью для целей политической агитации. <...> Но я могу повторить здесь по этому поводу только то, что я сказал уже лично князю Мещерскому, который упрекал в моем присутствии Лаврова за его письмо. Я отлично помню еще свое свидание с Тургеньевым в С.-Петербурге в 1879 г., тотчас после тех оваций, которыми осыпала его тогда русская публика. Вот что сказал он мне в заключение своего рас-

сказа: „<...> Я отлично понимаю, что русское общество, зная мои убеждения и мое исключительное положение, пользуется мною, как первым попавшимся под руку чурбаном, чтобы бросить им в голову опостылевшему ему правительству. Что ж, — я рад послужить обществу даже и в этом качестве“. <...> В свое время князь Мещерский вполне согласился с справедливостью моих слов, и мне очень прискорбно видеть теперь, что — в силу каких бы то ни было соображений — он дозволил впоследствии своему другу Стасюлевичу совершенно исказить в русских газетах все содержание своего разговора с Лавровым и выставить этого последнего чуть ли не сознательным лжецом и клеветником, быть может, даже получившим денежное вознаграждение за свою выходку от известного русского реакционера Каткова, так жестоко оскорбленного публично Тургеневым, который отказался пожать протянутую им руку» (*ЛН*. Т. 76. С. 248).

³ См.: *Новости и Биржевая газета*. 1883. 14 (26) сентября. № 244. С. 1.

⁴ Суворин приводит цитату из статьи Стасюлевича «По поводу письма г. Лаврова в „Моск. ведом.“», появившуюся в издании «*Новости и Биржевая газета*» через четыре дня после публикации письма Лаврова (см.: *МВед*. 1883. 10 сентября. № 251. С. 2). В цитируемом фрагменте статьи Стасюлевича везде курсив Суворина.

⁵ Кто был этим эмигрантом, близко знавшим Лаврова и часто посещавшим Тургенева в Париже, установить не удалось.

⁶ В следующем номере Суворин публикует поправки к этим расчетам (см.: *НВр*. 1883. 16 (28) сентября. № 2712. С. 1).

8

Два слова о Тургеневе Письмо в редакцию

М. г. Вот, что я слышал от покойного И. С. Тургенева о П. Л. Лаврове:

Лавров, переселившись в Париж, занялся изучением Шекспира (!) и по поводу этого изучения стал беспрестанно обращаться к Ивану Сергеевичу за разъяснениями тех или других более или менее непонятных стихов великого английского драматурга. Лавров о Шекспире готовил какое-то сочинение, и Тургенев, для которого искусство было свято, а Шекспир чем-то вроде земного бога, конечно, не мог отнестись к трудам Лаврова иначе, как по-тургеневски, т. е. с увлечением — и все те комментарии на шекспировские стихи, которые он посылал к Лаврову,¹ конечно, могут быть дороги для литературы, а уж вовсе не для революционной политики.*²

* За все это, как я слышал от других, г. Лавров в каком-то предисловии к какому-то своему сочинению обругал Тургенева. — *Примеч. Полонского*.

Года три тому назад, зимой, в одном великосветском обществе я встретил одного всем известного литератора, который обратился ко мне с следующим восклицанием: «Хорош же ваш Тургенев — нечего сказать!»

Тут я узнаю, что Тургенев будто бы не только дружит с Лавровым, но и ввел его в общество наших русских артистов в Париже.

— Как это ты ввел Лаврова в общество русских артистов? — спросил я, смеясь, Тургенева при первом же с ним свидании — и Тургенев рассказал мне, как он совершил это преступление. «Было объявлено, — сказал он, — что в нашем артистическом обществе будет музыка и чтение, где и я, грешный, буду принимать участие. Накануне этого события входит ко мне m-me Виардо и говорит: пришел Лавров и просит меня похлопотать достать ему билет на завтрашнее чтение. На это я сказал: — билет он может купить при входе, так как на этом литературном утре всякий может быть прямо с улицы — кто бы он ни был. Но, — сказала m-me Виардо, — он боится, что все билеты уже распроданы, нет ли у вас? И весьма возможно, что я послал Лаврову билет; — вот и вся история! Но на чтении Лаврову случилось сидеть против русского священника, тот узнал его и пришел в несказанный ужас... Вот откуда сыр-бор загорелся, но все это, все эти толки и сплетни выеденного яйца не стоят!»³

Наконец, летом 1881 г., в Спасском Тургенев при мне и жене моей рассказывал, как Лавров был страшно потрясен событием 1-го марта. «Он вошел ко мне бледный, с заплаканными глазами... проклинал партию русских анархистов, упрекал их в отсутствии всякой здоровой логики и в то же время оплакивал трагический конец Царя-Освободителя».

Было ли это искренно или это была комедия, разыгранная перед добродушнейшим из людей, И. С. Тургеневым, я не пускался в расспросы и рассуждения. Я очень хорошо знал, что Тургенев ни по своему характеру, ни по своему широкому образованию, ни по своему художественному чутью не мог сочувствовать каким бы то ни было разрушительным теориям. Он изучал нигилизм и всякие другие измы, как ученый доктор изучает гашиш (даже на себе пробует его действие) для того, чтобы написать о нем ученую диссертацию. Тургенев был не доктор, но тоже целитель нравственных недугов человеческих; он должен был знать все, чтобы писать так, как он писал. Как доктору было бы невозможно отворачиваться с презрением от больных и зараженных, так и писателю. Требуйте строгости отношений от начальствующих, от каждого из органов государственной власти, но не забывайте, что, если поэт будет походить на них, он перестанет быть самим собой, он утратит всякое обаяние. У него как у гражданина своя задача, он призван со-

единить или мирить разнородные элементы своего отечества во имя единого родного ему языка и высшей правды, во имя сознания своих недостатков и стремления к вечному вочеловеченью...

Я. Полонский.⁴

14 сентября 1883 г.

Печатается по: *НВр*. 1883. 15 (27) сентября. № 2711. С. 2.

¹ П. Л. Лавров вспоминал: «Он <Тургенев> лично помог мне своим замечательным знанием Шекспира чуть не наизусть, когда мне пришлось для одной работы искать, куда относятся многочисленные цитаты из Шекспира одного автора, приведенные весьма часто без точных указаний» (цит. по: *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 485). См. письма Тургенева к Лаврову от 28 сентября, 4 и 16 октября ст. ст. 1879 г. (Там же. С. 137–138, 141–142, 154–155; см. также: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 46–50). О какой работе Лаврова идет речь, неизвестно. Ему принадлежит статья «Шекспир в наше время» (Устой. 1882. № 9–10. С. 61–99; псевд.: П. Слепышев), однако упоминаемые в письмах Тургенева цитаты из Шекспира в ней не использованы.

² По-видимому, в примечании Полонского, приведенном здесь, имеются в виду главы «Потугин вместо предисловия» и «Потугинская цивилизация в виде послесловия» из статьи Лаврова «Цивилизация и дикие племена» (*ОЗ*. 1869. № 5, 9), в которой, как писал позже сам автор, он «очень жестко отнесся к автору „Довольно“ и „Дыма“». Не знаю, было ли ему известно, что неподписанная статья, в состав которой входил этот отзыв, принадлежит мне <...> мы впоследствии, когда сошлись несколько ближе, никогда не говорили об этом, и он не дал мне заметить, знает ли он это» (*Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества // ЛН*. Т. 76. С. 231; см. также С. 233 — коммент. К. П. Богаевской). В связи со статьей, опубликованной в «Gaulois» 10 февраля 1882 г., в которой шла речь о заступничестве писателя за Лаврова, высылаемого из Парижа, Тургенев писал редактору газеты: с Лавровым «наши политические взгляды расходятся настолько, что он в одном из своих напечатанных произведений формально упрекал меня в том, что я, как *либерал* и *оппорционист*, всегда противобоествовал тому, что он называл развитием революционной мысли в России» (*ПССУП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 25; письмо было опубликовано в «Gaulois» 13 февраля 1882 г.).

³ Этот инцидент известен в литературе о Тургеневе как «лавровская история». Тургенев, как секретарь Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, был инициатором литературно-музыкального вечера, состоявшегося 2 (14) февраля 1881 г., на котором он сам, по причине болезни, присутствовать не смог. Сохранилось несколько воспоминаний об этом вечере, где, по приглашению Тургенева, присутствовал не только Лавров, имевший одиозную репутацию как политический эмигрант, но и эмигрировавший из России участник «процесса 193-х» И. Я. Павловский, а также поэт Н. М. Минский, демонстративно прочитавший стихотворение «Казнь жирондиста», сюжет которого был связан с казнью Каракозова (см.: *Боголюбов А. П.* Из «Записок моряка-художника» // Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 345). Демарш незваных гостей

имел последствия: Тургеневу с трудом пришлось отстаивать существование клуба Общества (подробнее см.: *Гитлиц Е. А.* Тургенев и «лавровская история» // *Т Сб.* Вып. 4. С. 270–275; см. также: *Н. М. Минский.* <Иван Сергеевич Тургенев> / Публ. *С. А. Ипатовой* // *И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы.* М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 316–317).

⁴ Не исключено, что это «письмо в редакцию» было заказано Сувориным. В письме к нему от 3 сентября 1883 г. Полонский писал: «...случайно узнал я, что в „Новом времени“ Вы упоминали и обо мне, по поводу смерти всем дорогого и незабвенного Ивана Сергеевича Тургенева. <...> Вы правы — Тургенев с лишком 30 лет был в самых близких дружеских сношениях со мной — одних писем его у меня наберется на целые томы — и я не буду в числе безмолвствующих. В руках моих значительный материал для биографии Ив. Серг. и для уяснения этой в высшей степени замечательной личности. <...> Только не ждите от меня никаких речей, никаких славословий!» (Письма русских писателей к А. С. Суворину / Подгот. *Д. И. Абрамович.* Л., 1927. С. 139–140).

9

Тяжба из-за наследства И. С. Тургенева

Наследство И. С. Тургенева, по словам парижских газет, послужило поводом к тяжбе. Наш писатель оставил имение, авторские права, небольшую движимость и вещи, находящиеся в его комнате в отеле г-жи Виардо в Париже (rue de Douai) и в павильоне, где скончался И. С., в буживальском поместье Виардо. Эти комнаты, по распоряжению русского консула,¹ опечатаны. Претендентами на это наследство являются: 1) г. Брюэр, муж вне брака рожденной дочери И. С. Тургенева,² признанной им самим документально 8-го февраля 1865 года и фактически разлучившейся с мужем, ибо несколько лет назад она скрылась, неизвестно куда, и 2) г-жа Виардо, в пользу которой Тургенев оставил завещание, признав ее своей законной наследницей. Г-жа Виардо обратилась в суд с просьбой о снятии печатей с комнаты, которую занимал И. С. в ее отеле. Против этого протестовал г. Брюэр, явившийся в качестве душеприказчика своей жены. На днях разыгралась эта тяжба в парижском «Tribunal des référés».^a Поверенный г-жи Полины Виардо Поль Мерсье заявил, что его доверительница владеет той недвижимостью, где И. С. проживал в качестве постояльца, что лицо, потребовавшее опечатания ее комнат, не имело на то ни права, ни основания, так как по русским законам не признается усыновления вне брака рожден-

^a «Ускоренном суде» (франц.).

ных детей и такое усыновление может быть утверждено не иначе, как высочайшим распоряжением. Ривьер, поверенный г. Брюэра, ответил, что его клиент, являясь представителем единственной наследницы И. С., должен был ходатайствовать о наложении печатей в присутствии русского консула и г-жа Виардо не имеет в данном случае никакого права, так как она опирается только на завещание, которое, не будучи удостоверено в России надлежащим порядком и представлено председателю французского суда, лишено всякой силы. Председатель означенного суда постановил следующую резолюцию: «Ввиду того, что речь идет о наследстве русского подданного, процедура опечатания и составления инвентаря должна быть произведена русским консулом; но так как непосредственные претенденты на наследство — французы, и их претензии спорны, а равно ввиду того, что могут явиться и наследники из русских, то, принимая во внимание заявленные сторонами права, постановляем, что процедура опечатания и составления инвентаря будет совершена по ходатайству русского консула <по> французской форме, в присутствии Брюэра, или им уполномоченных лиц и вдовы Виардо, объявляющей себя наследницей Ивана Тургенева. В случае непредъявления ходатайства русским консулом помянутая процедура будет произведена по ходатайству Брюэра как представителя наследника, хотя и спорного, в присутствии вдовы Виардо и русского консула или его уполномоченного».³

Печатается по: *НВр*. 1883. 20 сентября (2 октября). № 2716. С. 3. Без подп.

¹ Имеется в виду генеральный консул России в Париже (с 1880 г.) *Андрей Николаевич Карцов* (1835–1906).

² Речь идет о *Викторе-Эжене-Гастоне Брюэре* (Bruère; 1835 — ок. 1895), муже внебрачной дочери писателя *Пелагеи Ивановны (Полины, Полинетты) Тургеневой* (1842–1919).

³ 1 (13) сентября 1883 г. А. Н. Карцов сообщил о смерти Тургенева в Департамент внутренних сношений в Петербурге и одновременно препроводил копии с двух духовных завещаний писателя, подлинники которых оставались на руках Полины Виардо. По оглашенным завещаниям, наследницей всего имущества писателя, включая собственность на изданные и неизданные его сочинения, а также оставшиеся деньги от издателя И. И. Глазунова, была объявлена П. Виардо. Последовало длительное судебное разбирательство между нею и Г. Брюэром. По постановлению судебных властей, тогда же, по ходатайству Брюэра, требовавшего аннулировать завещание покойного, были наложены печати на квартиру Тургенева в Париже. Пока длились хлопоты об отправке тела писателя в Петербург, квартира, в которой он проживал, продолжала оставаться опечатанной. 25 сентября (7 октября) 1883 г., после того как дело перешло в гражданский суд департамента Сены, суд постано-

вил: снять печати и составить опись вещей, принадлежавших Тургеневу. В начале октября печати были сняты, но вскоре, по ходатайству того же Брюэра, были наложены вторично. Только в конце ноября печати вновь были сняты, однако составление инвентарной описи было надолго прервано, ввиду возбужденного Брюэром иска о признании духовного завещания Тургенева недействительным. Лишь 20 августа н. ст. 1884 г. было принято, наконец, решение суда, признавшее Полину Виардо единственной законной наследницей имущества Тургенева (см. публикацию архивных материалов полномочного представителя СССР во Франции: Спор о наследстве И. С. Тургенева между дочерью Тургенева Пелагеей Ивановной Тургеневой и Полиной Виардо / Сообщение Н. Ангарского // Недра. 1927. № 10. С. 235–242). Дочь Тургенева Полина Брюэр продолжала после смерти отца получать пенсию в 400 франков, которые ей, согласно завещанию писателя, высылала П. Виардо. История с завещаниями Тургенева имела продолжение в России. В связи с законными притязаниями Глазунова, которые Виардо тщетно пыталась оспорить, окружной суд Петербурга утвердил последнее завещание писателя, в силу которого Виардо получала все то, на что имел право Тургенев в день его смерти, включая его родовое имение Спасское-Лутовиново; завещание было оспорено родственниками писателя К. Д. Сухотиной и О. В. Галаховой, так как по российским законам родовые имения не подлежали завещанию. Длительный и сложный судебный процесс был завершён лишь спустя пять лет после смерти Тургенева, и П. Виардо получила от наследниц Спасского деньги, одолженные у нее писателем (подробнее об этом см.: *Арзуманова М. А.* Завещание И. С. Тургенева // И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексева. Орел, 1960. С. 264–286). Суворин внимательно следил за ходом судебных разбирательств (см., к примеру: *НВр.* 1883. 25 ноября (10 декабря). № 2782. С. 3).